

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»
Гуманитарный институт
Кафедра русского языка и общего языкознания

Специальность 031001 – Филология

Выпускная квалификационная работа (в сокращении)

Тема: Функционально-семантический анализ частицы «как бы»
в поэзии Ф.И. Тютчева

Специалист:

Белов Андрей Александрович

Научный руководитель:

к.ф.н., проф.

Смулаковская Р.Л.

Череповец, 2005

Содержание

Введение	с. 3 – 6.
Глава 1. «Как бы» как языковая единица: проблема описания.	
§1. <i>Вопрос о морфологической природе частиц</i>	с. 7 – 10.
§2. <i>Проблема словарного описания «как бы»</i>	с. 10 – 19.
Глава 2. «Как бы» в поэтических текстах Тютчева.	
Раздел 1. Семантика и функции «как бы» в структуре отдельного стихотворения (на примере текстов 20-х гг.).	
§1. <i>Отдельные замечания о порядке анализа</i>	с. 20 – 21.
§2. <i>«Слезы»</i>	с. 21 –
22.	
§3. <i>«Проблеск»</i>	с. 23 – 25.
§4. <i>«Весенняя гроза»</i>	с. 25 –
27.	
§5. <i>«Летний вечер», построение интертекстуальной цепочки и элементы синонимического анализа</i>	с. 27 – 32.
§6. <i>«Утро в горах»</i>	с. 33 – 34.
Раздел 2. Модели с «как бы» в поэтическом идиостиле Ф.И. Тютчева.	
§1. <i>Модели с модусной рамкой «люблю»</i>	с. 35 – 40.
§2. <i>Устойчивые модели «как бы+сон» и «как бы+весна» и их семантические особенности</i>	с. 40 – 48.
Заключение	с. 48 –
49.	
Список литературы	с. 50 –
53.	
Приложение	с. 54 – 56.

Введение

...у лингвистики существуют свои интересы и обязанности по отношению к явлениям поэтического языка.

Г.О. Винокур,

Об изучении языка литературных произведений

Одна из специфических черт идиостиля Ф.И. Тютчева – относительно высокая употребительность слова «как бы». В последние годы, на фоне активизации «как бы» в разговорной речи, эта черта начинает привлекать все большее внимание. Возможно, одним из первых, в 1998 году, о ней говорит тартуский литературовед Роман Лейбов: подводя итог своему рассуждению о некоторых особенностях современного «как бы», он замечает: «Но меня гораздо больше другое занимает: “как бы” – одно из любимых тютчевских словечек»¹. Отдельные упоминания о тютчевском «как бы» встречаются также в статьях А. Немзера «Мужайся, сердце, до конца»² и Н. Белевцовой «Standpunkt’ы и вольности Федора Тютчева»³ (обе этих работы были посвящены двухсотлетию юбилею со дня рождения Тютчева, т.е. вышли в 2003-ем году). Однако исследований, полностью посвященных проблеме тютчевского «как бы», на сегодняшний день, насколько нам известно, не существует.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы выявить основные функционально-семантические особенности «как бы» в поэзии Тютчева. Соответственно, в качестве объекта данного исследования выступает идиостиль Ф.И. Тютчева, в качестве предмета – свойства «как бы» как одной из характерных единиц, присущих этому идиостилю.

Среди основных задач исследования следует назвать: во-первых, проведение словарной работы и работы с грамматическими источниками для составления того «портрета» «как бы», который сложился в лингвистике к сегодняшнему дню; во-вторых, собственно анализ текстов, в ходе которого нам предстоит выявить основные функционально-семантические свойства «как бы» в поэзии Тютчева.

Ключевая для нашей работы задача анализа текстов предполагает решение ряда частных задач:

- Поиск употреблений «как бы» в поэзии Тютчева и составление контекстного тезауруса.
- Выявление семантических свойств «как бы» в отдельных тютчевских текстах.
- Обнаружение общих закономерностей (моделей) в функционировании «как бы».

¹ Лейбов Р. Бессрочная ссылка. Выпуск от 16.03.98 // <http://www.russ.ru/ssylka/98-03-16.htm>

² Немзер А. Мужайся, сердце, до конца // Время новостей. – 2003. – №228.

³ Белевцова Н. Standpunkt’ы и вольности Федора Тютчева // Независимая газета. – 2003. – №44.

- Сопоставление «как бы» с синонимичными единицами с целью установления общего и различного в их функционировании.
- Соотнесение «как бы» с другими средствами, реализующими в тютчевской поэзии семантику неопределенности.

Задача анализа свойств языковой единицы в тексте ставит перед нами вопрос о методах, с помощью которых этот анализ будет осуществляться. Центральный метод в данной работе – это метод контекстного анализа^{*}, т. е. изучения свойств единицы путем изучения ее контекста. Теоретическим обоснованием уместности данного метода, в частности, может служить сформулированное Ю.Д. Апресяном понятие «семантической связности текста»: «текст семантически связан, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты»⁴. Таким образом, если нам не вполне ясны семантические свойства некоторой единицы (скажем, «как бы»), то мы можем проанализировать то высказывание, в которое она включена, и попробовать выявить в нем «повторяющиеся смысловые компоненты», которые, очевидно, будут отчасти повторяться и в семантике изучаемой единицы.

Естественно, серьезный отпечаток на методику анализа накладывает то, что мы уже заранее обладаем некоторыми знаниями о семантике «как бы», почерпнутыми из словарей и работ исследователей, а также – что важно – собственным языковым ощущением данной единицы, и поэтому мы, например, можем искусственно удалять «как бы» из контекста и наблюдать, какие семантические изменения при этом происходят.

Поскольку в область нашего исследования входит не один текст, а все тютчевские тексты с «как бы», наш контекстный анализ неизбежно приобретает также черты сходства с дистрибутивным анализом – анализом употреблений одной и той же языковой единицы, но в *разных* контекстах (естественно, он не будет особенно похож на строгий вариант дистрибутивного анализа, декларировавшийся дескриптивистами). Сравнение таких употреблений дает нам ряд новых возможностей: например, мы можем попытаться выделить в семантике «как бы» инвариантные и изменяющиеся элементы.

Необходимость широкого использования контекстуального метода объясняется, помимо всего прочего, некоторыми особенностями «как бы» как частицы: общепризнанно положение о том, что значение частиц, ввиду их особых семантических свойств, сильно зависит от окружения, и потому с должной точностью установить это значение, не приняв во внимание контекст частицы, невозможно. Так, Т.М. Николаева замечает, что «полифункциональность

* О контекстном (контекстуальном) анализе текстов Тютчева в литературоведческом аспекте см.: Лейбов Р. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст // <http://www.ruthenia.ru/document/533836.html>

⁴ Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. – С.14.

частиц, диффузность их семантики, сосуществование полисемичности и оригинальности влекут за собой еще два феномена, также всеми признаваемые: частицы должны подкреплять друг друга (или могут подкрепляться) и их значение во многом определяется контекстом»⁵).

В этой связи интересно привести рассуждение И.М. Кобозевой о специфике анализа единиц, по своим свойствам схожих с частицей «только»: «Можно ли описать значение слова только, взятого отдельно, вне тех выражений, в которых оно употребляется <...>? Очевидно, что нет. <...> Здесь возможен только такой путь – анализируя значение выражений, содержащих слово только, определить, какая часть этого значения связана с присутствием во фразе слова только»⁶. Впрочем, справедливость этой мысли Ирины Михайловны (как и других исследователей, выдвигающих подобные идеи) мы готовы признать лишь отчасти. На наш взгляд, не вполне верно, что «вне <...> выражения значение только не может быть определено. Если нам кажется, что только означает нечто отдельно, то это, по-видимому, объясняется тем, что мы подсознательно примысливаем к нему типовые контексты»⁷. Думается, контекстный анализ вполне позволяет узнать и то, что же «только» означает «отдельно»^{*}; вероятно, наша позиция отличается от заявленной выше во многом потому, что в сфере наших интересов находится художественный текст, где процент «не типовых» контекстов – не меньше, чем процент контекстов «типовых» (а сколько-нибудь удовлетворительно объяснить попадание единицы, не обладающей собственным значением, в «не типовой» контекст нельзя).

В дополнение к контекстному анализу, в нашей работе использованы элементы синонимического анализа (ср., соотношение «как» – «как бы» – «как будто» – «словно» и т.д.), а также анализ «как бы» как одной из составляющих прецедентного текста⁸ (на примере стиха «Как бы резвяся и играя» из стихотворения «Весенняя гроза», <1828>, н. 50-х).

В ходе предварительного обследования 385-ти стихотворений «Полного собрания»⁹: а) в них были отмечены все случаи использования Ф. И. Тютчевым языковой единицы «как бы», б) на основании полученных данных составлен контекстный тезаурус (см. Приложение). В целом при составлении контекстного тезауруса было выявлено тридцать употреблений «как бы» в двадцати трех текстах. Таким образом, оказалось, что в процентном выражении стихотворения с «как бы» составляют около шести процентов от общего числа стихотворений Ф.И. Тютчева, в связи с чем не мог не возникнуть первый, очевидный вопрос: много это или мало, или, иначе

⁵ Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 306.

⁶ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 115 – 116.

⁷ Там же. С. 117.

^{*} Ср.: «...тезис о том, что частица относится ко всему предложению, не исключает возможности для нее иметь свое инвариантное значение» (Николаева Т.М. Указ. соч. С. 309).

⁸ В данный текст не вошел.

⁹ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987.

говоря, достаточно ли этого, чтобы априори, до подробного рассмотрения функциональных показателей, признать «как бы» важной составляющей идиостиля Тютчева?

Действительно, шесть процентов – не очень большая величина, однако в свете ряда дополнительных обстоятельств она становится вполне весомой:

- Во-первых, нужно учесть *регулярный* характер использования Тютчевым единицы «как бы» на протяжении 47-ми лет, с 1823-го по 1870-й гг.
- Во-вторых, из 24-х текстов с «как бы» по меньшей мере треть относится к общепризнанно лучшим произведениям Ф. И. Тютчева (для примера: «Весенняя гроза», «О вещая душа моя...», «Есть в осени первоначальной...», «Опять стою я над Невою...»; надо сказать, что именно обилие «как бы» в самых известных тютчевских текстах и привлекло наше внимание первоначально). Если согласиться с тем, что Ф.И. Тютчев написал около пятидесяти поэтических шедевров (цифра, которая высказана В. Рудневым и с которой мы более-менее согласны), а в наш «Тезаурус» безусловно входит около десяти из них, то значимость «как бы» еще более возрастет.
- В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, «как бы» не является столь уж распространенной единицей в русской классической поэзии, и Тютчев выступает здесь скорее как исключение из общего правила. Например, в полном собрании стихотворений К.Н. Батюшкова мы находим всего одно «как бы», в полном собрании стихотворений А.А. Дельвига – два, в полных собраниях стихотворений Е.А. Боратынского и А.С. Пушкина – по три, а в полном собрании стихотворений Н.М. Карамзина... – ни одного*.

Актуальность нашей работы связана с двумя основными факторами:

- С фактором собственно лингвистическим: недостаточной определенностью в отношении морфологической природы и функционально-семантических свойств «как бы» в словарях и грамматической литературе.
- С отсутствием монографических исследований, которые были бы посвящены проблеме тютчевского «как бы» (или вообще – употреблению «как бы» в текстах какого-либо конкретного автора).

Научная же новизна работы заключается в составлении контекстного тезауруса употреблений «как бы» в поэтических текстах Тютчева, лексикографическом анализе «как бы», а также в выявлении и функционально-семантическом описании моделей с «как бы» в идиостиле Тютчева.

Глава 1.

«Как бы» как языковая единица: проблема описания

Проблема морфологического и семантического описания «как бы» многоаспектна, и в той или иной степени мы будем постоянно к ней возвращаться. В данной же главе мы затронем, во-первых, вопрос о морфологической природе частиц (и, соответственно, морфологических особенностях «как бы»), а во-вторых, проблему словарного описания данной единицы.

§1. Вопрос о морфологической природе частиц

По своей организации «как бы» представляет собою сложную единицу. Сложность эта связана, в первую очередь, с общими свойствами частиц, с теми проблемами, которые возникают при их описании и с которыми мы непременно столкнемся (некоторые из этих проблем мы уже упомянули в разговоре о методах, а некоторые – обозначим в следующих частях работы).

Согласно В.В. Виноградову, к «частицам речи», типологически противопоставляемым «частям речи», относятся «классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, группы слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений»¹⁰. Внутри же «частиц речи» В.В. Виноградов дополнительно выделяет несколько подклассов, одним из которых являются уже «собственно частицы».

Для нас крайне интересно определение места «частиц» в системе других частей речи, данное В.В. Виноградовым, поскольку в этом определении отмечено одно из важнейших свойств частиц, порождающее, пожалуй, большую часть проблем их описания, с которыми нам придется иметь дело: это свойство – промежуточность (и, следовательно, неустойчивость) положения частиц как в морфологическом, так и в семантическом плане. Итак, по В.В. Виноградову, «...среди частиц речи наиболее отчетливо выделяются две резко очерченные категории – предлоги и союзы; а кроме того, остается несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами *гибридно-полуграмматического, полулексического* типа и *промежуточным положением между наречиями и модальными словами*, с одной стороны, и *союзами* – с другой стороны»¹¹. Ранее на это свойство частиц указывал также Л.В. Щерба: «Всегда остается какое-то количество слов, которое никуда не подходит. Их относят либо к наречиям, либо к частицам, являющимся своего рода складочными местами, куда сваливают вперемешку все лишнее, что никуда не подходит...»¹².

* Поэмы и драматические произведения при подсчете не учитывались (издания, по которым проводился подсчет см. в списке литературы).

¹⁰ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972. – С. 520.

¹¹ Там же. С. 521.

¹² Цит. по: Николаева Т.М. Указ. соч. С. 315.

Тяготение частиц к модальным словам состоит в том, что в их значениях обнаруживаются модальные, т.е. раскрывающие «отношения всего высказывания или предложения к реальности»¹³, оттенки. Весьма примечателен тот факт, что частица «как бы», обладающая набором таких оттенков, в результате их активизации превратилась в модальное (вводное) слово, уже, в отличие от частицы, не являющееся членом предложения. Особенно частотным такое «как бы» является в современной *устной* разговорной речи*, где оно, действительно, в значительном числе, если не в большинстве, случаев – не частица, но именно модальное слово: ср. *как бы*₁ и *как бы*₂, выделяемые О.А. Лаптевой (впрочем, без уточнения частеречной принадлежности «как бы»)¹⁴.

К сожалению, исследователи, занимающиеся проблемами разговорной речи, подчас не учитывают специфики современного «как бы» как модального слова и в качестве «неправильных» приводят примеры типа «я как бы прилечу в шесть пятнадцать»¹⁵ (где «как бы», кстати говоря, следовало бы выделить запятыми): такая фраза, на самом деле, выглядела бы странно, если б «как бы» выполняло в ней функцию частицы, однако «как бы» в данном случае является вовсе не частицей, а модальным словом, – возможно, близким по значению к «наверно» (для того, чтобы точно установить значение, необходим более обширный контекст).

Любопытна в этом отношении работа С.Н. Зайцевой «Как бы – символ времени?»¹⁶, в которой рассматриваются типы «как бы», выражающего извинительную модальность. Назовем типы, выделенные в работе, а также некоторые из иллюстрирующих эти типы примеров:

1. Собственно «извинительное» «как бы»: «Я / как бы один – реплики приглашенных, которые как бы извиняются за то, что они пришли в гости не в том составе, как их ожидали; Мне / как бы не до бассейна сейчас – реплика одной из подруг, которая из-за отсутствия времени не может составить компанию другой, хотя когда-то обещала это сделать».
2. «Как бы», смягчающее категоричность высказывания: «Это совершенно явное / как бы нарушение закона – из комментария журналиста; Я думаю / встречи в офисе / как бы пора прекращать».

¹³ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 568.

* Возможно, именно бытованием «как бы» прежде всего в устной речи объясняется и его отсутствие в текстах современников Тютчева? Нельзя ли усмотреть в «как бы» еще одно проявление «устной литературности», о которой говорит А. Юнгрен? К сожалению, на эти важнейшие вопросы вряд ли можно получить удовлетворительный ответ... Стоит только сказать, что, очевидно, нельзя недооценивать роли «как бы» в разговорной речи и в эпоху до 90-х гг. – особенно, как это ни странно звучит, в речи образованных людей (например, «как бы» в своей речи – сужу по видеозаписям интервью – часто использовал И.А. Бродский; вероятно, не случайны и слова В. Руднева о том, что «”как бы” и ”на самом деле”» – это «выражения характеризующие различные поколения сегодняшних русских интеллигентов [sic! – А.Б.]»; см. также далее замечание о Д. Пригове).

¹⁴ См.: Лаптева О.А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья вторая) // Вопросы языкознания. – 2004. - №5. – С. 17 – 31.

¹⁵ Там же. С. 26.

3. «Как бы», с помощью которого говорящий снимает с себя ответственность за сказанное, либо если он с ним не вполне согласен, либо если оно заставляет его испытывать неловкость: «Берут палочки / и все представление / как бы едят – из разговора радиоведущей с директором цирка о японской публике; Вы слышали / что о нем (Борисе Моисееве) / сейчас как бы говорят – из реплики телеведущего».

Так, если мы примем во внимание отмеченные типы значений, то увидим, что во фразе «Возник вопрос как бы о курении возле института» (студент на общеинститутской конференции)¹⁷, приведенной Г.Г. Инфантовой в качестве примера необоснованного употребления «как бы» (т.е. употребления его как слова-«паразита»), в действительности «как бы» служит для выражения извинительной модальности (третий тип значения) и т. д.

Надо сказать, что, в целом, в нашей работе мы придерживаемся принципов функционально-семантического подхода, в той его разновидности, которая постулирует *отсутствие в языке и речи незначимых элементов*. Скажем, даже если при определенном употреблении «как бы» и не обладает легко ощутимым значением, то оно все равно не может не выполнять вообще никакой функции (напр., функции заполнения пауз хезитации и т.п.). И, кроме того, разве мы не ощутим разницы в общении, с одной стороны, с человеком, у которого в качестве слова-«паразита» выступает «как бы», а с другой стороны, с тем, кто с такою же частотой использует n-ое слово из арсенала обценной лексики?

Помимо тяготения к модальным словам, «как бы» – подобно большинству частиц – испытывает также сильнейшее тяготение к союзам (ср., «...разнообразные модальные значения частицы регулярно совмещают с выполнением служебной союзной функции»¹⁸).

Очевидно, сейчас уже никто не будет спорить с тем, что «...ошибочным и случайным должно быть признано мнение, будто частицы не несут никаких синтаксических функций»¹⁹. В современной лингвистике, напротив, как никогда ранее, сильно представление о принципиальной полифункциональности служебных слов и даже – об отсутствии четких границ между ними, особенно если речь идет о частицах и союзах: «Складывается впечатление, что способность структурно элементарных слов такого рода к совмещению нескольких функций (как правило, частицы и союза) является нормальным и почти обязательным их свойством при условии активного функционирования их в речи»²⁰. Т.М. Николаева, говоря о

¹⁶ Зайцева С.Н. Как бы – символ времени? // http://slovorus.ivanovo.ru/block__71

¹⁷ Инфантова Г.Г. Современный речевой портрет лексики *как бы* // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С.47.

¹⁸ Богданов С.И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. – С. 26.

¹⁹ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 522.

²⁰ Богданов С.И. Указ. соч. С. 22.

проблемах описания частиц, также подчеркивает важность «выработки критериев отличия частиц от наречий, местоимений и *прежде всего* от союзов»²¹.

Разговор о промежуточности положения частиц и вытекающих из этого положения семантических последствиях будет сопровождать нас на протяжении всей работы*. Забегая вперед, однако, скажем, что мы сосредоточимся не на поиске специфических черт частицы «как бы», отличавших бы ее от союзов, наречий и т.д., но, скорее, напротив, на обнаружении тех свойств, которые роднят ее с другими «частями» и «частицами» речи (такой подход мы избрали «под давлением» материала нашего исследования).

§2. Проблема словарного описания «как бы»

...каждое мало-мальски сложное слово в сущности должно быть предметом научной монографии, а следовательно, трудно ожидать скорого окончания какого-либо хорошего словаря.

Л.В. Щерба,

Опыт общей теории лексикографии

Рассмотрим, каким образом описание «как бы» дается в толковых словарях, начиная со словаря В.И. Даля (мы пользовались второй его редакцией, 1880 – 1882-го гг.) и заканчивая словарем Т.Ф. Ефремовой (2000 г.). Предварительно отметим, что во всех использованных нами словарях, кроме словаря Т.Ф. Ефремовой, значения и примеры употребления единицы «как бы» даются в статье, посвященной слову «как»: если в словаре В.И. Даля это обусловлено общим корневым принципом организации словарной статьи, то в других словарях – это прием, используемый обычно при описании «фразеологических / устойчивых сочетаний слов».

Нужно отметить, что при последнем подходе возникает существенное противоречие, так как, с одной стороны, объявляя «как бы» сочетанием слов (пускай и отчасти имплицитно – посредством самой структуры статьи), с другой стороны, словари, в большинстве случаев, все-таки относят эту единицу к определенной – одной! – части речи (хотя понятно, что сочетание слов, в том числе и фразеологическое, единой частеречной отнесенностью не обладает).

Итак, обратимся к словарям.

²¹ Николаева Т.М. Указ. соч. С. 315 [курсив наш – А.Б.].

* Отдельный вопрос – не рассматриваемый подробно в данной работе – представляет соотношение «как бы» с группой т.н. дискурсивных слов, также характеризующихся полифункциональностью и «промежуточностью» положения: под дискурсивными словами понимаются единицы, «которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т.п.» (Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. – С. 7). Заметим, однако, что, если исходить из этого определения, то «как бы», безусловно, следует отнести к числу дискурсивных слов.

В.И. Даль²² однозначно определяет принадлежность «как» – и соответственно «как бы» – к классу наречий (распространенное определение «местоименные» мы будем опускать).

В начале статьи В.И. Даль называет три возможных, на его взгляд, значения «как» («вопрось о качествах и обстоятельствах чего либо; || выражение подобия, сравнения, удивления, сомнения; || когда»), а затем приводит ряд иллюстративных примеров, не соотнося при этом конкретные примеры с конкретными значениями. Среди первой группы примеров мы находим и предложение с «как бы» (Как бы не было худо^{*}), в котором В.И. Даль, очевидно, относит «бы» к глаголу, а наречию «как» приписывает значение «сомнения».

В следующий раз «как бы» встречается в примере: «Как не так, как бы не так», где «как» и «как бы» оказываются синонимичными и выражают, по мнению В.И. Даля, значение «насмешливого отказа».

Наконец, самая большая группа примеров с «как бы» приводится В.И. Далем в связи с значением «каким-то образом, как-то»: «*Какбы, какбыть, будто, подобно чему, въ виде. Онъ какбы отнѣкивается, будто, похоже на то. Какбы изъсяра-зеленоватый. Какъ-бы, каким бы образомъ. Какъ-бы его заманить? Как бы это сдѣлать? Какбы съ лоскомъ*». Как видим, В.И. Даль выделяет здесь два значения, одно из которых характерно для наречий образа действия (Как бы его заманить?), а второе очень походит на значение частицы (например, в «Он как бы отнекивается» «как бы» не является обязательным компонентом в структурном отношении – т.е. может быть без труда опущено – и служит для создания дополнительной семантики – о том, какой именно, поговорим позже).

В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова²³ выделяются три основных значения «как бы».

Во-первых, это наречное значение «каким образом, способом», которое маркируется как присущее «вопросительным и относительным» наречиям (Как бы нам управиться с работой к сроку?).

Во-вторых, это значение «условно-предположительного сравнения», причем в качестве примера приводится цитата из Тютчева: «Весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом». Любопытно, что часть речи в данном случае не конкретизирована, хотя из вводной статьи «Как пользоваться словарем» узнаем, что указание на частеречную принадлежность, помимо существительных и глаголов, не ставится только у вводных слов (в ряде случаев – при тех словах, которые «трудно отнести к какой-либо из традиционных частей

²² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. Т.2. М.: Рус. яз., 1989. – С. 76.

^{*} Здесь и далее приводятся иллюстративные примеры, взятые непосредственно из словарей.

²³ Толковый словарь русского языка: В 4т. Т.1. / Под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. – С. 1285 – 1287.

речи»²⁴, – ставятся обозначения «звукоподражание» и «в значении сказуемого», но это подходит нам еще меньше, чем «вводное слово»).

И, в-третьих, мы находим здесь значение «если бы, кабы» (условный союз) с пометой «просторечное»: Как бы пораньше взялись, тогда поспели бы.

Кроме того, в словаре под ред. Д.Н. Ушакова приведен ряд составных единиц (т. е. единиц еще «более составных», чем «как бы»), в которые «как бы» в качестве одного из компонентов:

- Целевой союз «как бы не», выражающий «боязнь, опасение, чтобы что-нибудь не случилось».
- Уже встретившееся нам в словаре В.И. Даля выражение «Как бы не так! или Как не так!» со значением «несогласия, возражения, отказа» (здесь оно помечено как «разговорное, фамильярное»).
- И еще одно выражение, которое также можно отнести к числу фразеологизированных: Как бы то ни было («каким бы то ни было образом, во всяком случае, при всех условиях»).

В Большом академическом словаре²⁵ предлагаются три возможности описания «как бы»: как наречия, союза и частицы. Будучи относительным наречием, «как бы» «подчиняет придаточное дополнительное, сохраняя значение наречия образа действия» (Тарас все придумывал, как бы поднять сечь на отважное предприятие). В роли союза «как бы», согласно БАС'у, может выполнять функцию присоединения, а именно «присоединяет вводные слова и предложения» (Нам требуется, чтобы все, как бы сказать, повернуть против прежнего), и функцию сравнения, выступая «в значении: точно, словно». Еще одно значение «как бы»-союза – значение условия («то же, что если»: Как бы с амурных дел, он был бы веселый) – дается со стилистической пометой «устаревшее и просторечное» (в словаре под ред. Д.Н. Ушакова, как мы помним, была только помета «просторечное»).

У частицы «как бы» в БАС'е также выделяются три значения:

- Значение «очень, чрезвычайно»; преимущественно в восклицательных предложениях (усилительная частица). Например: Как бы мне хотелось его видеть!
- Вероятно, скалькированное со словаря под ред. Д.Н. Ушакова значение «несогласия, возражения, отказа», – впрочем, приписываемое уже не союзу, а частице (но с характерным примером: «Как (бы) не так!»).
- Значение, близкое к «лишь бы, только бы» (ограничительная частица): Как бы ветер не разыгрался!

²⁴ Там же. С. XXIII.

²⁵ Словарь современного русского литературного языка: В 17т. Т. 5. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 682 – 690.

Самое скудное описание «как бы» предлагает Малый академический словарь²⁶. В разделе статьи МАС'а, посвященном «как»-союзу, читаем, что «в сочетании с “будто”, с частицей “бы” или в сочетании с “будто бы”, а также в сочетании со словами “словно”, “точно”, “вроде”» «как» «употребляется для выражения условно-предположительного сравнения» (Кот потерял ноги Кузьмина, промурлыкал и ушел обратно в ночные комнаты, как бы приглашая Кузьмина за собой), причем толкование это снабжено пометой «разг.». Помимо этого, в МАС'е мы находим те же самые составные единицы (и с тем же значением), которые мы видели в словаре под ред. Д.Н. Ушакова. Отличие состоит лишь в том, что «как бы не» в МАС'е морфологически не определено, а в толковании «вечного» «Как (бы) не так!» вместо традиционного уже «несогласия, возражения, отказа» напечатано «несогласие, возмущение, отказ».

В словаре под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой²⁷ (1992 г.), а также в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой²⁸ «как бы» описывается двояко: как частица и как союз.

В первом из названных словарей «как бы» маркировано пометой «разг.» (относящейся ко всем значениям данной единицы). Согласно этому словарю, «как бы» в роли частицы «выражает приблизительное подобие, сходство» (Отвечает как бы нехотя), а в роли союза – «выражает сравнение» (Зашуршало в траве, как бы прополз кто-то). Что касается «как бы то ни было», «как бы не так» и «как бы не», которые в словаре Ожегова-Шведовой также зафиксированы, то здесь главное отличие от МАС'а и БАС'а состоит в «возвращении» единице «как бы не» статуса союза (правда, без конкретизации, какого именно).

Словарь Т.Ф. Ефремовой для нас особенно интересен тем, что в нем – об этом мы читаем в «Общих сведениях о словаре» – проведена «детальная разработка словарных статей для единиц служебных частей речи: предлогов, союзов, частиц и междометий (в том числе и тех, которые состоят более чем из одного слова, но семантически эквивалентны ему [по существу, это замечание относится *здесь* и к «как бы» – А.Б.]»).

«Как бы»-союзу в словаре Т.Ф. Ефремовой приписываются следующие функции: он используется, во-первых, «при присоединении члена предложения со значением условно-предположительного сравнения; как будто», во-вторых – «при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения, которая содержит недостоверное сравнение; как если бы», и, в-третьих, «при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения, которая раскрывает содержание главной части; чтобы».

²⁶ Словарь русского языка: В 4т. Т.2. М.: Госуд. изд-во иностр. и национальных словарей, 1959. – С. 17 – 20.

²⁷ Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М.: Азъ, 1996. – С. 254.

²⁸ Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка // http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html#efr

У частицы «как бы» в данном словаре мы находим только одно значение, но зато оно весьма любопытно и среди всех рассмотренных выше словарей отмечено только – хотя и не слишком отчетливо – в словаре В.И. Даля: Т.Ф. Ефремова полагает, что частица «как бы» употребляется «при выражении предположительности, условности высказывания; будто, будто бы» (ср. у В.И. Даля: «*Онъ какбы отнѣживается, будто, похоже на то*», где ‘будто, похоже на то’ относятся, по всей видимости, к высказыванию в целом).

Теперь, опираясь на данные словарей (пока что без привлечения иных источников), мы попытаемся определить: а) когда «как бы» действительно является одним словом, а когда – сочетанием слов, б) каков общий перечень значений и функций, приписываемых «как бы» словарями.

Сочетанием слов «как бы» является, прежде всего, в тех случаях, когда «как» имеет наречное значение:

- «Каким образом, как-то» (В.И. Даль);
- «Каким образом, способом» (словарь под ред. Д.Н. Ушакова);
- «Подчиняет придаточное дополнительное, сохраняя значение наречия образа действия» (БАС; в таком употреблении «как», естественно, является союзным словом, а не союзом).

Следует отметить, что «как» в сочетании «как бы» может иметь не только значение образа действия, но и значение некоторого качества и степени его проявления, а «как бы», помимо функции подчинения «придаточного дополнительного» (иначе говоря, изъяснительного), может выступать также в роли инициального компонента в восклицательных и вопросительных предложениях, т.е. выполнять немалую часть тех функций, который присущи наречию «как» *per se* (кстати говоря, и то, что БАС называет усилительными частицами, мы скорее склонны рассматривать как сочетание «как» + «бы»).

Если в сочетаниях такого рода «как» является самостоятельным наречием, то «бы» выполняет вспомогательную формообразующую функцию, выступая в качестве показателя сослагательного наклонения. Относительно морфологической природы этого «бы» существует несколько различных точек зрения, самые распространенные из которых таковы: (1) «бы» – частица, (2) «бы» – дистантный формообразующий аффикс при глаголе. На наш взгляд, более убедительной выглядит вторая позиция, ввиду того, что «бы» обладает рядом свойств, присущих именно аффиксам (прежде всего – регулярностью выражения данного грамматического значения). Также не следует забывать и того, что, помимо этих двух точек зрения, в отечественной науке существовали и другие: например, восходящее, по всей

видимости, к «Российской грамматике» М.В. Ломоносова* представление о «бы» как о союзе (которое мы встречаем, в частности, в «Синтаксисе русского языка» А.А. Шахматова^{29**}).

Приведем несколько примеров употребления «как бы»-сочетания. Для этого, поскольку в стихотворениях Ф.И. Тютчева такие примеры напрочь отсутствуют, обратимся к четырем фрагментам с «как бы», которые были обнаружены нами в «Полном собрании стихотворений»³⁰ Н.М. Карамзина (167 текстов), причем два из этих фрагментов – не стихотворные, а прозаические, и относятся они к «сельской драме с песнями [потому она и включена в собрание стихотворений – А.Б.] в одном действии» под названием «Аркадский памятник», другие два – к «Оде на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу первому, самодержцу всероссийскому» (1796).

Пример 1. «И как бы реки ни шумели, // И как бы громы ни гремели, // Они [московские жители – А.Б.] возвысят голос свой: // “О Павел! Ты наш бог земной!...”» Здесь «как» выступает в роли союзного слова, выражая (в конструкции «как бы ни») общее грамматическое значение, близкое к уступительному и осложняемое самостоятельной семантикой «как» (в данном предложении – указание на степень проявления качества: ср. «с какою бы силой реки ни шумели»; обычно наречие или местоимение, включаемое в конструкцию «как бы ни» приобретает либо значение высокой степени проявления качества – как в карамзинском тексте, либо значение максимальной обобщенности, всеохватности).

Пример 2. «*Дафна*: Нет, я боялась отсрочки. Скажи мне, юноша, как бы я, став твоею, могла тебя в чем-нибудь не послушаться? *Лизиас*: А как же бы и я мог тебя не послушаться и не исполнить твоего желания, как бы скоро узнал его?». В реплике *Дафны* «как» вновь является союзным словом и выражает второе базовое значение, присущее данному наречию (когда оно является наречием, конечно) – значение образа действия, ср. «каким бы образом я...» (такое же значение имеет и первое «как» в словах *Лизиаса*). Придаточное же «как бы скоро узнал его» дает нам пример чисто союзного употребления «как» (с условно-временным значением).

Очень неясно в словарях описывается единица «как бы не»:

- «Как бы не было худа» со значением «сомненья» (словарь В.И. Даля);

* М.В. Ломоносов в своей грамматике писал о том, что как таковой формы «желательного наклонения» в русском языке нет, а вместо нее применяют «изъявительное с приложением союзов» (см. Ломоносов М.В. Российская грамматика // <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01/200-279.htm>).

²⁹ См.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд-е 2-е. / Под ред. Е.С. Истриной. Л.: Госучпедгиз, 1941. – С. 506.

^{**} Заметим однако, что в «Синтаксисе...» ак. Шахматова такое представление выражено крайне непоследовательно (это, очевидно, связано с тем, что большая часть раздела «Синтаксис частей речи» печатается по черновым наброскам – к глубокому сожалению, А.А. Шахматов не успел закончить свой труд).

³⁰ Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1966. (Б-ка поэта. Большая серия).

- Целевой союз «как бы не», выражающий «боязнь, опасение, чтобы что-нибудь не случилось» (словарь под ред. Д.Н. Ушакова; нечто подобное – в МАС’е и словаре Ожегова-Шведовой);
- Ограничительная частица со значением, близким к «лишь бы, только бы», напр.: Как бы ветер не разыгрался (БАС).

На наш взгляд, уместнее всего рассматривать единицу «как бы не» как устойчивую конструкцию, обладающую специфическим значением, но не принадлежащую к одной части речи (т.е. с морфологической точки зрения представляющую собою сочетание «как_{adv}+бы_{част}+не_{част}»^{*}). Интересно, что специфичность семантики «как бы не» более проявляется в тех случаях, когда данная единица находится в инициальной позиции предложения (Как бы тебе не простудиться!), но не в тех, когда она служит для присоединения придаточной части (Он думал о том, как бы ему не простудиться; здесь значение «как» более автономно и «наречно», чем в первом случае).

Стихотворения Ф.И. Тютчева дают нам один пример использования «как бы не»: в тексте «Славянам» мы читаем: «Они кричат, они грозятся: // “Вот к стенке мы славян прижмем!” // Ну, как бы им не оборваться // В задорном натиске своем!..»[235]³¹. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что значение, выраженное сочетанием «как бы не» в стихе Ф.И. Тютчева (и вообще достаточно распространенное в речи!), в словарях отсутствует (наиболее близко к нему значение «насмешливого отказа», приписываемое В.И. Далем единице «как бы не так»). По всей видимости, мы сталкиваемся здесь с явлением энантиосемии – развитием внутри одной языковой единицы двух противоположных значений, которое в случае идет от «как бы тебе не подавиться»=«только бы ты не подавился» («боязнь, опасение») к «как бы тебе не подавиться»=«хоть бы ты подавился» (значение скрытой угрозы).

Помимо учета собственно семантических особенностей, можно выделить, как минимум, два формальных критерия разграничения «как бы»-сочетаний и «как бы»-слов. Критерии эти далеко не универсальны, но вполне могут оказать некоторую помощь в первичной обработке анализируемого материала.

Первым критерием служит возможность/невозможность элиминирования «бы» без изменения семантики «как»: если такое элиминирование возможно, то перед нами, скорее

^{*} В «Русской грамматике – 80» «как бы не» охарактеризовано как составная *расчленяемая* частица, т.е. частица, способная включать внутрь себя другие слова: ср., Как бы ветер не разыгрался (Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. – С. 725). Занятно, что в разделе «Союзы», написанном другим автором, «как бы не» названо уже составным *союзом*, что лишний раз подтверждает зыбкость морфологических границ в области служебных слов (автор раздела «Частицы» – Н.Ю. Шведова, автор раздела «Союзы» – М.В. Ляпон).

³¹ Здесь и далее все тексты Ф.И. Тютчева приводятся – с указанием номера страницы в квадратных скобках – по изданию: Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. Л.: Сов. Писатель, 1987. (Б-ка поэта. Большая серия).

всего, «как бы»-сочетание (в значительном числе случаев при удалении «бы» из предложений с «как бы» эти предложения вообще становятся бессмысленными, невозможными в русском языке). Возьмем, к примеру, пример из БАС'а, в котором «как бы» квалифицируется автором словарной статьи как усилительная частица: «Как бы мне хотелось его видеть!». Однако удаление «бы» в данном предложении (ср., «Как мне хотелось его видеть!») однозначно указывает нам на то, что «как» и «бы» являются здесь самостоятельными словами.

Второй критерий – возможность/невозможность перестановки «бы» в другую – дистантную по отношению к «как» – позицию. Такая перестановка возможна в предложениях с «как бы»-сочетаниями, где «бы» тяготеет, как правило, к сказуемому (ср., «Как бы мне хотелось его видеть!» и «Как мне хотелось бы его видеть!»).

Две оставшихся возможности морфологического описания «как бы» (союз/частица) предполагают, на наш взгляд, обращение к данной единице как к одному слову (в словарях, напомним, такое «как бы» рассматривается как сочетание слов, пусть даже и семантически эквивалентных одному слову; в работах же исследователей «как бы» квалифицируется и как «лексия», и как «эквивалент слова», и как «аналитическое слово», и как «скрепа», и как «функционал»³² и т.д.). Отметим в этой связи и то, что в словаре В.И. Даля встречается слитное написание «как бы» (критерий слитности написания, достаточно формальный по своей сути, все же может служить некоторой опорой при решении данного вопроса).

Если попытаться в табличной форме обобщить те значения, которыми наделены «как бы»-союз и «как бы»-частица в словарях, то получившаяся картина окажется, на первый взгляд, очень пестрой, однако если мы, учитывая все вышесказанное о семантике «как бы»-сочетаний, а также опираясь на указанные выше критерии (применив их к иллюстративному материалу, который имеется во всех словарях за исключением словаря Т.Ф. Ефремовой), выделим значения, принадлежащие *действительно* союзу и частице «как бы» (а не «как_{adv}+бы», «как_{союз}+бы» и др.), то увидим, что число таких значений в словарях очень невелико (в таблице они выделены курсивом).

	СОЮЗ*	ЧАСТИЦА**
--	-------	-----------

³² Данный список терминов, применяемых для квалификации слов типа «как бы», взят из работы: Инфантова Г.Г. Указ. соч. С.46.

* В словаре под ред. Д.Н. Ушакова значение «условно-предположительного сравнения» лишено прямого указания на часть речи, но по его положению в структуре словарной статьи можно предположить, что оно все-таки отнесено к союзу.

** На самом деле, как мы помним, в словаре В.И. Даля «как бы» находится в статье, посвященной наречию, однако для удобства представления данных мы помещаем значения, выделенные В.И. Далем, в графу «Частица» (а также, конечно, потому, что они как раз для частицы и характерны).

Словарь В.И. Даля		Какбы, какбыть, будто, <i>подобно чему, въ виде</i> . Онъ какбы отнекивается, <i>будто, похоже на то</i> . Какбы изсера-зеленоватый.
Словарь под ред. Д.Н. Ушакова	1. «Если бы, кабы» (условный союз) с пометой «просторечное»: Как бы пораньше взялись, тогда поспели бы. 2. <i>Значение условно-предположительного сравнения</i> (Весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом).	
БАС	1. Присоединяет вводные слова и предложения (Нам требуется, чтобы все, как бы сказать, повернуть против прежнего). 2. «Точно, словно». 3. «То же, что если»: Как бы с амурных дел, он был бы веселый.	1. «Очень, чрезвычайно»; преимущественно в восклицательных предложениях (усилительная частица): Как бы мне хотелось его видеть! 2. «Несогласие, возражение, отказ» («Как (бы) не так!»). 3. «Лишь бы, только бы» (ограничительная частица): Как бы ветер не разыгрался!
МАС	«Условно-предположительное сравнение» (Кот потерял о ноги Кузьмина, промурлыкал и ушел обратно в ночные комнаты, как бы приглашая Кузьмина за собой).	
Словарь под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой	«Выражает сравнение» (<i>Заиуришало в траве, как бы прополз кто-то</i>).	«Выражает приблизительное подобие, сходство» (<i>Отвечает как бы нехотя</i>).
Словарь Т.Ф. Ефремовой	1. «Присоединение члена предложения со значением условно-предположительного сравнения; как будто». 2. «Присоединение придаточной части сложноподчиненного предложения, которая содержит недостоверное сравнение; как если бы». 3. «Присоединение придаточной части сложноподчиненного предложения, которая раскрывает содержание главной части; чтобы».	Выражение «предположительности, условности высказывания; будто, будто бы».

Как мы могли увидеть, «как бы» представляет собою крайне сложную для описания единицу, которой, на наш взгляд, невозможно дать однозначное и полное определение. Все это приводит, в частности, и к тому, что словарное описание «как бы» оказывается заведомо неполным и неоднородным. Пожалуй, единственное, в чем солидарны словари, так это в том, что общее значение «как бы»-слова – это значение сравнения. Отметим также, что в трех из шести словарей «как бы» в данном значении рассматривается исключительно как союз. Более-менее четкая попытка дифференциации союза и частицы проводится лишь в двух последних словарях, однако и эту попытку нельзя признать вполне удовлетворительной – впрочем, по понятным причинам: как мы уже говорили выше, четкое разграничение «как бы»-союза и «как бы»-частицы невозможно в принципе, поскольку в самом языке такого разграничения не существует (и потому далее мы будем говорить о большей либо меньшей «союзности» «как бы», но не о «как бы»-союзе).

Кроме того, следует отметить, что проблема описания касается далеко не только одного «как бы», но, по сути дела, большей части тех слов, которые можно отнести к классу частиц. По словам Т.М. Николаевой, «частицы не вписываются точным образом <...> в словари и грамматики. Например, в 17-томном академическом словаре помещается, по подсчетам А. Бартошевича, 131 частица, в Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова – 84 частицы, в Малом академическом словаре – 110, в словаре С.И. Ожегова – 75. Из них во все словари попадают только 42 частицы и 64 частицы встречаются только в одном из них»³³. Таким образом, мы осветили выше только одну – непосредственно интересующую нас – грань более обширной лингвистической проблемы.

Глава 2.

«Как бы» в поэтических текстах Ф.И. Тютчева

Раздел 1.

Семантика и функции «как бы» в структуре отдельного стихотворения

(на примере текстов 20-х гг.)

§1. Отдельные замечания о порядке анализа

³³ Николаева Т.М. Указ. соч. С. 305.

Весь представленный в нашей работе анализ тютчевских текстов, делится на две основные части: во-первых, это последовательный анализ отдельных текстов (на примере текстов 20-х гг. *), а во-вторых, анализ всех вошедших в контекстный тезаурус текстов как единой системы, с целью выделения некоторых общих семантических свойств и закономерностей в функционировании «как бы» (моделей, в состав которых в тютчевском идиостиле входит «как бы»). Если в первой части нас больше будет интересовать роль «как бы» в структуре конкретного тютчевского текста, то во второй – ее роль в структуре всего идиостиля Тютчева.

Таким образом, мы не будем приводить здесь последовательный анализ всех тютчевских текстов с «как бы», и в первую очередь потому, что в противном случае нам не удалось бы избежать значительной избыточности в изложении материала (т.к. одни и те же свойства «как бы» неоднократно воспроизводятся в разных текстах) и, кроме того, просто потому, что это позволит сделать наше повествование более систематичным и удобным для восприятия.

Прежде всего, в нашем анализе мы будем обращаться к минимальным контекстам «как бы», т.е. к самому ближайшему вербальному окружению данной единицы (одному-двум предложениям), однако, естественно, нам нельзя будет избежать и обращения как к контекстам стихотворений в целом (особенно в первой части), так и, в конечном счете, к общему контексту творчества Тютчева.

Анализируя ближайшие контексты, мы будем для удобства выделять в них а) определяемый субъект (в логическом смысле этого слова), б) атрибут данного субъекта и в) «как бы» как единицу, дополняющую эту субъектно-атрибутивную конструкцию.

В качестве предварительного замечания, укажем также на две основные функции «как бы» (на самом деле, конечно, это не столько функции «как бы», сколько универсальные функции, присущие единицам языка – прежде всего, служебным словам, см. выше определение «частиц речи» В.В. Виноградова; говорим же мы сейчас о них потому, что прежде, чем перейти к разбору текстов, нам важно определиться с терминами):

1. Первая базовая функция «как бы» – *функция уточнения*, являющаяся разновидностью общеатрибутивной функции, свойственной глаголам, именам прилагательным, словам категории состояния и т.д. * (и главная наша задача, в общем, как раз и будет состоять в

* Выбор именно текстов 20-х гг. (а не, скажем, 50-х, когда «как бы» тоже было очень частотно) не в последнюю очередь обусловлен тем, что в последующие годы в значительном числе случаев «как бы» используется Тютчевым в составе устойчивых сочетаний типа «как бы во сне», которые в 20-х гг. не встречаются (лишь один текст – «Слезы» – является в этом плане исключением). Кроме того, на наш взгляд, стихотворения 20-х гг. с «как бы» заметно выделяются на фоне большинства стихотворений Тютчева этого периода, что тоже вызывает у нас особый интерес.

* Говорим «и т.д.», так этот вопрос сам по себе очень объемный и неоднозначный; известно, что атрибутивную функцию могут выполнять, в том числе, и имена существительные.

том, чтобы наполнить понятие «уточнение» конкретным содержанием – определить *что* и *как* уточняет «как бы»).

2. Вторая базовая функция – *функция связи* лексических / синтаксических единиц, – в сущности, выполняя эту свою функцию, «как бы» предстает перед нами в своей «союзной» ипостаси, в то время как функция уточнения, напротив, характеризует «как бы» как частицу.

§2. «Слезы» (1823)

Контекст: «Люблю смотреть, когда *созданья* / **Как бы** погружены в весне, / И мир заснул в благоуханье / И улыбается во сне!» [66].

Определяемый субъект (далее S): созданья. S обладает предельно обобщенной семантикой, под «созданьем» может пониматься любой материальный (и одушевленный, и неодушевленный) предмет.

Атрибут (далее Attr): погружены в весне. Обращает на себя внимание грамматическая форма: предложный падеж (в весне) вместо обычного в современном русском винительного падежа (в весну), однако данный факт не является для нас особенно значимым, потому что такая форма обычна для поэзии данной эпохи^{**} (ср., в пушкинской «Эпиграмме (на гр. Ф.И. Толстого)», 1820: «*В жизни* мрачной и презренной / *Был он* долго погружен»³⁴). Однако Attr «погружены в весне» все-таки необычен – с точки сочетаемости входящих в него слов.

Типичными контекстами^{***} для «погружен» являются: в мечты, в воспоминанья, в думы, в размышленья и, в особенности, в сон. Общим для всех этих слов является то, что они обозначают определенные внутренние состояния человека, исходя из чего можно, во-первых, интерпретировать семантику Attr как «пребывают в весеннем состоянии» или «в состоянии весны», а во-вторых, отметить еще одну «необычность» в употреблении данного Attr: обычно, за редкими исключениями, «погруженным» во что-либо оказывался человек, у Тютчева же «погружены» «созданья» (характерно, что первичное значение причастия «погружен», относящееся к некоторому физическому телу, в выявленных нами контекстах вообще не встречается).

^{**} В сочетании с причастием «погружен» нами были обнаружены формы как предложного, так и винительного падежа. По всей вероятности, можно обнаружить некоторые закономерности в дистрибуции этих форм, однако такая работа требует специального исследования.

³⁴ Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1985. – С. 230.

^{***} Типичные контексты здесь и далее определяются на основании выборок из собраний стихотворений (по преимуществу – полных) Н.М. Карамзина, К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, Е.А. Боратынского, М.Ю. Лермонтова (поэмы учитывались только в случае Е.А. Боратынского и М.Ю. Лермонтова). Для удобства все эти тексты – [1], [3] – [6], [10] в списке литературы – мы будем далее называть В-1 (выборка первая).

Появление «как бы» во фразе «созданья / Как бы погружены в весне» во многом связано со стремлением лирического субъекта* выразить «невыразимое»: заведомо «неясный» оборот с «как бы», как ни странно, служит здесь для более точного, с точки зрения лирического субъекта, выражения мыслей и чувств. Используя «как бы», говорящий указывает тем самым на недостаточность имеющихся языковых средств, вследствие которой он вынужден конструировать неточное, однако все же более-менее соответствующее реальности высказывание.

С другой стороны, та базовая функция, о которой мы сказали вначале, – функция уточнения, – не может никуда исчезнуть: «как бы» не просто маркирует нехватку средств выражения, но обладает и собственным значением, которое, впрочем, теснейшим образом связано с этой нехваткой. «Как бы погружены» отличается от просто «погружены» степенью неопределенности, которая в первом случае заметно выше. Отметим, что при таком подходе «как бы» приобретает несколько парадоксальные свойства: с одной стороны, она указывает на то, что прежние (т.е. уже существующие в языке) средства недостаточны для сообщения мысли, с другой – на то, что и новое выражение не соответствует ей в полной мере. Иначе говоря, «как бы» обнаруживает тот зазор, который всегда имеется между мыслью и словом, но не так уж часто выдает себя в языке.

Обратим внимание, что содержание фразы «созданья как бы погружены в весне» дополнительно поясняется и раскрывается во второй клаузе: «мир заснул в благоуханье / И улыбается во сне!» Можно сказать, что здесь мы видим некое подобие синонимического преобразования анализируемой нами фразы: под созданием** в В-1 нередко понимается «мир» («созданья»=>«мир»), а «сон», очевидно, является реакцией на «погружены» («погружены»=>«заснул», «сон»); «весна» же, как и всегда в лирике Тютчева, наполняется самыми положительными коннотациями: «благоуханье», «улыбается». О связи семантики «сна» и семантики «как бы» («как бы»=>«сон»?) мы подробнее скажем далее.

§3. «Проблеск» (<1825>)

Контексты: А) «То потрясающие звуки, / То замирающие вдруг... / **Как бы** последний ропот муки, / В них отозвавшись, потух!». Б) «Как верим верою живою, / Как сердцу радостно, светло! / **Как бы** эфирною струею / По жилам небо протекло!»[71].

S-а: То потрясающие звуки, то замирающие вдруг. В отличие от предыдущего стихотворения в «Проблеске» мы видим S, не ограниченный одним словом: центральное слово здесь, конечно, «звуки», однако Attr относится не только к «звукам» как таковым, но и к их

* В данной работе мы не разграничиваем разные типы выражения авторского сознания в лирике и используем термин «лирический субъект» (или «герой», «персонаж») как универсальный.

качественным характеристикам. «Звуки» здесь «то потрясающие», «то замирающие» («то» в данном случае, конечно, – не местоимение, а союз, указывающий на временное чередование характеристик «звуков»). Слово «потрясающие» у Тютчева сохраняет свою внутреннюю форму – оно является именно причастием со значением ‘вызывающие волнение, изумление’ («потрясающие», т.е. производящие «потрясение» – по всей видимости, как духовное, так и физическое), а не прилагательным, каким мы привыкли его видеть в современном русском языке*.

Кстати, именно поэтому предложение «То потрясающие звуки, / То замирающие вдруг...» оказывается очень интересным и с точки зрения синтаксической типологии: в принципе, формально являясь односоставным номинативным предложением, вместе с тем оно не может быть однозначно отнесено к данному типу (можно сказать, оно находится на его периферии), т.к. явно содержит в себе глагольный предикат (звуки то «потрясают», то «замирают»). Кроме того, на «периферийный» статус рассматриваемого предложения среди номинативных предложений указывает и близость его к т.н. «именительному темы» – конструкции, вводящей в высказывание некоторый объект, пояснение свойств которого дается в следующем за ней тексте (впрочем, поясняться могут не только свойства). По словам Е.С. Скобликовой, «объективная неопределенность статуса именительного темы связана с тем, что, предполагая продолжение текста, они характеризуются незавершенностью содержания, “недосказанностью”, а также отсутствием обычного для назывных** предложений констатирующего значения»³⁵ (все эти признаки обнаруживаются и в данном фрагменте из «Проблеска»).

Как мы уже отметили, изображаемая в (А) ситуация в целом членится на два временных отрезка: на время «потрясающих» звуков, и время тех же звуков, но «замирающих вдруг». Attr, выполняющий функцию смыслового уточнения первой части: «последний ропот муки»; Attr, выполняющий аналогичную функцию по отношению ко второй части: «в них отозвавшись, потух».

«Как бы» в данном примере – куда более синкретично, чем в «Слезах». Прежде всего, отметим, что «как бы» здесь является важной частью синтаксической конструкции: оно служит для связи предложений и установления смысловых отношений между ними (вспомним, что в словарях о такой способности «как бы» не упоминалось). Отношения эти сложно охарактеризовать однозначно: нельзя, к примеру, сказать, что «потрясающие звуки» просто

** Кстати говоря, в редакции, опубликованной в альманахе «Северная лира на 1827 год», в этой строке было именно «созданье».

* Любопытно отметить, что среди текстов В-1 слово «потрясающий» не встречается ни разу.

** В работе Е.С. Скобликовой термины «назывные» и «номинативные» используются как синонимичные.

сравниваются с «ропотом муки», поскольку в данном случае лирический субъект слышит «ропот муки» скорее в самих звуках, т.е. в значительной степени «звуки» и «ропот муки» отождествляются, представляют собою «как бы» единое целое.

На наш взгляд, собственно функциональное назначение «как бы» здесь состоит в, условно говоря, «наложении» Attr на S. «Ропот муки» не является ни частным признаком «звуков», ни самостоятельной сущностью: он фактически совмещен со «звуками». Иначе говоря, такое значение можно, пожалуй, назвать значением «метафорического уподобления».

Кроме того, нужно сказать, что по всей вероятности, употребление «как бы» отчасти обусловлено самой природой «звуков», издаваемых «воздушной арфой»[70], т.е. звуков «легких» и неуловимых (к тому же, вызванных к жизни «ненароком»: «...полуночь, ненароком, / Дремавших струн встревожит сон»). Отсутствие четкости и последовательности (и соответственно – предсказуемости) в способе осуществления действия, на наш взгляд, также может «провоцировать» появление «как бы».

S-б: Как верим верую живую, как сердцу радостно, светло! Если в предыдущих случаях в качестве S выступали «создания» и «звуки», т.е., хотя и не слишком определенные, но все-таки вполне материальные субстанции, то здесь S – это некоторое душевное состояние, точнее – процесс переживания данного состояния («верим», «сердцу радостно, светло»).

Attr-б – метафорический аналог данного процесса: эфирную струю по жилам небо протекло! Отметим, что «эфир», «эфирный» – очень частотные слова в В-1, обычно либо соседствующие с «небом» (или синонимичные «небу»), либо используемые – в значениях ‘небесный, воздушный, бесплотный, призрачный’ – для характеристики некоторого предмета (ср., интересный для нас пример, «Течет по жилам кровь / Чистейшего эфира»^{36*}, К.Н. Батюшков, «Мечта», 1817).

На первый взгляд, отношения между Attr-б и S-б можно охарактеризовать так же, как и отношения между Attr-а и S-а, однако в действительности здесь имеется несколько достаточно серьезных отличий. Главное из отличий заключается в том (и отчасти мы уже о нем сказали), что во фразе (а) мы видим характеристику преимущественно внешнего мира (хотя и с позиции лирического субъекта), а в (б) – характеристику внутреннего состояния, т.е. «как бы» употребляется Тютчевым для уточнения и присоединения атрибутов обоих типов к обоим типам субъектов.

Отличие также состоит в том, что связь предложений в (б) менее очевидна, чем в (а), и построена она по иному принципу. Если связь в (а) – по преимуществу цепная (за счет

³⁵ Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979. – С. 134.

³⁶ Батюшков К.Н. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1988. – С. 79.

анафорического местоимения «них»), то связь в (б) – по преимуществу параллельная, с чем, в частности, связано ослабление, по сравнению с Attr-a, «союзности» «как бы». По существу, Attr-б может рассматриваться вовсе и не как атрибут S-б, но как самостоятельное, не связанное напрямую с S-б, предложение (и тогда – мы имеем описание не одного комплексного состояния, а двух состояний, сменяющих друг друга: сначала «верим верою живою» и «сердцу радостно, светло», а уже потом «как бы эфирною струею...»). При таком прочтении «как бы», утрачивая соединительную функцию, становится атрибутом состояния «эфирною струею по жилам небо протекло», т.е. семантически оно относится ко всему предложению в целом, имея при этом значение маркера «приблизительности», «метафоричности» или, на что мы вновь обращаем внимание, маркера «невыразимости».

Однако следует отметить, что самым вероятным все же является прочтение, при котором в большей степени актуализируются союзные функции «как бы»: во-первых, из-за аналогии с (а), а во-вторых, из-за позиции Attr-б в строфе – позиции после S-б (ср., обратный пример, где сильный эмфатический акцент падал бы на «как» в третьей и четвертой строках: «Как бы эфирною струею / По жилам небо протекло! / Как верим верою живою, / Как сердцу радостно, светло!»).

Интересно указать также на один объединяющий все три разобранных примера момент: во всех случаях «как бы» употреблялось в восклицательных предложениях, служивших для передачи настроения «изумления, восторга», и этот факт позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что использование «как бы» в стихах Тютчева связано, помимо всего прочего, с выражением определенного эмоционального состояния лирического субъекта (которую мы, впрочем, не сможем ни окончательно подтвердить, ни опровергнуть в рамках данной работы).

§4. «Весенняя гроза» (<1828>, н. 50-х)

Контекст: «Люблю грозу в начале мая, / Когда весенний, первый гром, / **Как бы** резвяся и играя, / грохочет в небе голубом»[77].

Этот, пожалуй, самый известный, пример «как бы» в поэзии Тютчева в действительности следовало бы рассматривать не среди текстов двадцатых годов, а среди текстов пятидесятых годов, поскольку первоначально, в редакции третьего номера «Галатеи» за 1829-й год, «как бы» в «Весенней грозе» не было: «Люблю грозу в начале мая: / Как весело весенний гром / Из края до другого края / Грохочет в небе голубом!»[303], оно появилось лишь в издании 1854 года (Стихотворения Ф. Тютчева. СПб., 1854. Приложение к журналу «Современник». 1854. №3).

* Речь идет о «бесплотном духе» убитого воина.

Однако, говоря об этом стихотворении именно здесь, мы тем самым, как нам кажется, вовлекаем его в необходимый для такого разговора контекст.

Любопытно отметить, что хотя характеристика «раскатов грома» в последней редакции и передается одной строкой «как бы резвяся и играя», однако строка эта, очевидно, совмещает в себе и смысл ‘как весело’ (т.е. «играя»), и смысл ‘из края до другого края’ (т.е. «резвяся»). Признак «как бы резвяся и играя» в «ВГ»-54 через посредство предиката «грохочет» приписывается «грому», благодаря чему создается отсутствовавшее в варианте «Галатеи» уподобление «грома» «резвящемуся и играющему» молодому животному (молодому не только потому, что «гром» «резвится и играет», но и просто потому, что он «весенний *первый*»). Таким образом, в данном случае мы видим метафорическое олицетворение «грома».

S: весенний, первый гром грохочет в небе голубом. Следует отметить, что в контексте В-1 данный S и в особенности положительное отношение к нему лирического субъекта выглядят достаточно необычно. Чаще всего гром предстает в В-1 как «страшный» или «бранный» (гром пушек), нарушающий или способный нарушить спокойное течение жизни, а весьма характерным примером описания стихии в целом может служить юношеское стихотворение Лермонтова «Гроза» (1830): «Ревет гроза, дымятся тучи / Над темной бездною морской, / и хлещут пеною кипучей, / Толпяся, волны меж собой»³⁷ и т.д.

У Тютчева же гром и гроза органично входят в мир его «веселой весенней» поэтики. «Голубое небо», в котором «грохочет гром», практически всегда ассоциируется в поэзии – в том числе и у самого Тютчева – с ‘миром, радостью, любовью’ (а в В-1 прилагательное «голубой» почти в ста процентах случаев используется либо в сочетании с «небом», либо с «очами»; ср., портрет Эды, «И очи бледно-голубые, / Подобно финским небесам»³⁸, Е.А. Боратынский, «Эда», 1824-25). Интересно также то, что рассматриваемый пример входит в модусную рамку «люблю»: «Люблю грозу... / когда...», встречающуюся и в других текстах с «как бы» (подробнее об этом см. далее).

«Как бы» в «Весенней грозе» служит для модификации значения метафорического Attr «резвяся и играя», который, конечно, остался бы метафорой и при отсутствии «как бы», однако утратил бы некоторые смысловые оттенки (функция связи здесь практически неощутима – во всяком случае, с современной точки зрения), а именно: «как бы» влияет на степень и качество метафоризации высказывания, уменьшая степень и, если так можно сказать, «утоняшая» качество проявления признака.

Кроме того, разница между «гром, резвяся и играя, грохочет» и «гром, *как бы* резвяся и играя, грохочет» заключается в том, что втором случае не происходит прямого приписывания

³⁷ Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1970. – С. 64.

признака «резвяся и играя» – автор опять-таки подчеркивает неточность выражения «резвяся и играя», невозможность с его помощью адекватно передать «поведение» грома. Естественно также предположить, что при помощи «как бы» маркируется не всякое содержание, вызывающее сложности в вербализации (тем более если учесть принципиальное для романтиков положение о невозможности точного словесного выражения чувств), но лишь действительно сложное по своей структуре*. В нашем случае сложность структуры действия «резвяся и играя» как раз очевидна.

§5. «Летний вечер» (1828), построение интертекстуальной цепочки

и элементы синонимического анализа

Контекст: «И сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы, / **Как бы** горячих ног ея / Коснулись ключевые воды»[79].

С каждым следующим текстом все более и более увеличивается количество тех черт, которые являются общими для нескольких из рассматриваемых нами стихотворений. Более того, некоторые из этих черт повторяются (если брать 20-е годы) только в стихотворениях с «как бы», что для нас крайне интересно. Конечно же, мы не можем предполагать, будто наличие «как бы» влечет за собой появление определенного набора языковых средств; вероятно, средства эти (в том числе и «как бы») появляются в совокупности, т.е. фактически входят в одну парадигму, характеризующуюся, прежде всего, такими признаками, как «радостное/восторженное состояние лирического субъекта и описываемого мира», «преимущественное изображение явлений природы и вызываемых ими чувств лирического субъекта», «презумпция существования в мире невыразимого и неведомого»* (эти признаки не являются строго обязательными и могут варьироваться даже в пределах одного текста).

В приведенном выше фрагменте из «Летнего вечера» к числу таких повторяющихся черт относится «сладкий трепет», который «как струя, / по жилам пробежал природы». Сравним эти

³⁸ Боратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989 (источник: <http://www.imwerden.de/>).

* Ср. наблюдение А.Б. Летушего: «...чаще всего *как бы* сочетается с обстоятельствами образа действия: *как бы с обидой, как бы недоумевая* и др. Это — именно **глубинные свойства действия, не вытекающие тривиальным образом из внешнего вида ситуации**» [выделение полужирным шрифтом – наше – А.Б.] (Летучий А.Б. Как бы и как будто (в печати)).

* Любопытно, что по целому ряду признаков (но, конечно, далеко не по всем) тютчевские тексты подпадают под выделяемую В.П. Беляниным категорию «светлых» текстов. Ср., «В основе картины мира “светлых” текстов лежит описание мира личности и того природного мира, который окружает эту личность», стиль “светлых” текстов «эмоционально приподнят, возвышен», «особое место среди средств создания выразительности “светлых” текстов занимает возвышенная лексика старинного русского литературного языка» и т.д. Попадают в точку и замечания о том, что “светлым” текстам присущ элемент депрессивности, и о том, что «предпочитаемые роды деятельности паранойяльной личности [в данном случае – Тютчева; паранойяльная акцентуация личности, по мнению автора, является одной из предпосылок, побуждающих к созданию “светлых” текстов – А.Б.] – политика, религия и наставничество» (см. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. М.: Тривола, 2000. – С. 62 – 78).

строки со строками из «Проблеска» («Как бы эфирною струею / По жилам небо протекло!»[71]), можно увидеть ряд общих и отличных деталей: к первым относится «характер» перемещения («струею») и «место», в котором это перемещение происходит («по жилам»); в числе же наиболее существенных отличий: субъект этого своеобразного «перемещения» («трепет» vs. «небо») и субъект, испытывающий его воздействие на себе («природа» vs. «человек»). Кроме того, отличается и смысловое наполнение глаголов «пробежал» – «протек», которое во многом предопределяется свойствами субъектов действия (трепет => пробежал, небо => протекло; крайне любопытно, что в «Летнем вечере» мы тоже встречаем глагол «течь»/«протечь», причем использованный опять-таки для характеристики «воздушных потоков»: «*Река воздушная полней / Течет меж небом и землею*»[79]).

Интересно отметить, что указанная черта (и не только она) роднит «Проблеск» и «Летний вечер» еще с одним тютчевским текстом – стихотворением 35-го года «В душном воздухе молчанье...»[124]. Прежде всего, обратим внимание на то, что в «Летнем вечере», так же, как и в «В душном вечере молчанье...», одна из ключевых тем – тема «зноя», «духоты». Однако если в первом тексте мы видим, как «вечер» приносит с собою «освобождение от зною», в результате чего, собственно, «сладкий трепет... и т.д.», то во втором описывается не процесс такого «освобождения», а само состояние «зноя» (плюс «предчувствие грозы»).

Предмет непосредственного нашего интереса в стихотворении «В душном вечере молчанье...» составляет строфа: «Некий жизни преизбыток / В знойном воздухе разлит! / Как божественный напиток / В жилах млеет и горит!». Несложно заметить, что здесь в куда большей степени, чем в «Летнем вечере» обыгрываются (сознательно или бессознательно – не нам судить) мотивы «Проблеска», причем преемственность наблюдается не только на лексико-тематическом уровне, но и на уровне синтаксической конструкции:

1. Фраза «божественный напиток / В жилах млеет и горит»^{*} отсылает к двум фрагментам из «Проблеска». О первом мы уже неоднократно говорили выше («Как бы эфирною струею / По жилам небо протекло!»), второй же представляет собою дополнение первого: в момент «протекания неба по жилам» лирический субъект «дышит божественным огнем» («не дано ничтожной пыли / Дышать божественным огнем»).

2. Обе синтаксические конструкции, использованные в строфах (а) «Как верим верою живую, / Как сердцу радостно, светло! / Как бы эфирною струею / По жилам небо протекло!» и (б) «Некий жизни преизбыток / В знойном воздухе разлит! / Как божественный напиток / В жилах млеет и горит!», можно разделить на две части: в одной части, совпадающей по объему с

^{*} Любопытный пример (текст: «Кораблекрушение», из Гейне, написан между 1827-м и 1829-м гг., т.е. раньше, чем «В душном вечера молчанье...»), в котором также встречаем «пить», «пламень» и «млеть»: «Я пил восторга дикий пламень, / И пил, и млея, и трепетал»[76].

первыми двумя строками, задается определенная ситуация, которая уточняется как раз посредством второй части (две последние строки). Отношения между частями устанавливаются с помощью «как бы» и «как», которые оказываются здесь в значительной мере синонимичными друг другу, хотя в случае с «как» более, чем в случае с «как бы», активизируется сравнительная семантика (невозможные в современном русском языке примеры употреблений «как бы» и «как» в одинаковых конструкциях мы еще увидим далее). Следует также отметить, что именно благодаря сопоставлению конструкций (а) и (б) мы можем абсолютно точно установить союзный, а не наречный характер «как» в (б).

Любопытно, что в (б) не определен субъект, «в жилах» которого «млеет и горит» «божественный напиток» – им может быть и повествователь, и природа (из «Летнего вечера» мы знаем, что и у природы могут быть «жилы»). Кроме того, существенный момент неопределенности вносится в (б) местоимением «некий». С некоторой долей условности можно сказать, что эти средства восполняют отсутствие «как бы» в (б), т.е., в сущности, являются его коррелятами в данной поэтической парадигме.

В свою очередь, от «Проблеска», «Летнего вечера» и ««В душном вечере молчанье...» можно легко протянуть ниточку к стихотворению 51-го года с характерной первой строчкой «Не остывшая от зною...»[179], в котором мы видим, как «Небо, полное грозой (ср., «предчувствие грозы») / Всё в зарницах *трепетало* **». Ср. также:

«В душном вечера молчанье...»	«Не остывшая от зною...»
(а) В душном воздуха молчанье, Как (б) предчувствие грозы, Жарче роз благоуханье,	(а) Не остывшая от зною, Ночь июльская блистала... И над тусклою землю

** Слова «трепет», «трепетный», «трепетать», как мы уже могли убедиться, очень частотны в стихах Тютчева. Так, «сладкий трепет» из «Летнего вечера» был «предвосхищен» «сладостным трепетом» из стихотворения «Cache-Cache» (1828), которое, без сомнения, входит в одну парадигму с рассматриваемыми нами текстами. Приведем в качестве примера одну строфу, где, помимо «сладостного трепета», встречается также и «воздушная арфа» (вспомним «то потрясающие, то замирающие звуки» из «Проблеска!»): «Не арфы ль твоей мне послышался звон? / В струнах ли мечтаешь укрыться златых? / Металл содрогнулся, тобой оживлен, / И сладостный трепет еще не затих»[78].

* Между делом попробуем решить загадку О.М. Мандельштама: «Дайте Тютчеву стрекозу – / Догадайтесь почему!» [189] («Дайте Тютчеву стрекозу...», 1932; предварительно заметим, что «В душном вечера молчанье...» – это единственный тютчевский текст, где встречается «стрекоза»). Очевидно, Мандельштам предлагает «дать Тютчеву стрекозу» просто потому, что на самом-то деле стрекозы в «В душном вечера молчанье...» и нет – там есть только ее «голос»! Таким образом, Мандельштам шутливо предлагает восполнить недостающий, с его точки зрения, элемент в тютчевском тексте – тем более, что в его собственных стихах «стрекозы» (а их у него, в отличие от Тютчева, не так уж и мало), хотя подчас и метафоричны, но всегда – зримы: ср., «...трепетание стрекоз / Быстроживущих, синеглазых» [170] («Медлительнее снежный улей...», 1910), «Стрекозы быстрыми кругами / Тревожат черный блеск пруда» [286] («Стрекозы быстрыми кругами...», 1911), «...стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши» [207] («Стихи памяти Андрея Белого», 1934), «...жирны и синеглазы / Стрекозы смерти» [207] («10 января 1934», 1934). Как видно, наша разгадка (шутливое «дайте ж Тютчеву, наконец, взглянуть на стрекозу») отличается от весьма странного, на наш взгляд, объяснения, предложенного Ю.М. Лотманом (см. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. – С. 570;

Резче голос стрекозы* ... <...> <u>Последняя строфа:</u> Сквозь (в) ресницы шелковые Проступили две слезы... Иль то капли дождевые (б) <i>Зачинающей грозы?..</i>	(б) <i>Небо, полное грозюю,</i> Всё в зарницах трепетало. Словно тяжкие (в) <i>ресницы</i> Подымались над землею, И сквозь беглые зарницы Чьи-то грозные зеницы Загоралися порою...
---	---

Обратим внимание на модификацию (в): В первом тексте ресницы принадлежат «деве», и «проступившие» сквозь них «слезы» могут восприниматься двояко: не то как, действительно, «слезы», не то как «капли дождевые» (еще один прекрасный пример намеренно создаваемой неопределенности). Любопытно, однако, то, что две эти интерпретации не исключают друг друга: «слезы» здесь одновременно могут являться «каплями дождевыми», т.е. плач словно инициирует грозу («слезы» = первые «капли»); ср., гипотетически возможный в идиостиле Тютчева вариант с «как бы», в котором указанные смысловые отношения были бы более эксплицированы: «Сквозь ресницы шелковые / Проступили две слезы, / Как бы капли дождевые / Зачинающей грозы!».

Во втором тексте субъект, которому «принадлежат» ресницы, не назван (как мы помним, схожий прием был использован и в «В душном вечера молчанье...»): ср., «*Чьи-то* грозные** зеницы». Кроме того, заметим, что функцию, сходную с функцией «как бы», выполняет здесь форма «словно», благодаря которой устанавливаются семантические отношения между второй строфой и предшествующим предложением.

Соотношение «как бы» и «словно» (тоже очень частотной единицы в поэтическом лексиконе Тютчева) представляет собою отдельную проблему, решение которой выходит за рамки данной работы, однако некоторые замечания, касающиеся указанного соотношения, все же необходимо сделать сейчас (т.е. внести в нашу работу элемент синонимического анализа). Самое осязаемое отличие «как бы» и «словно» заключается в большей автономности (союзности) «словно»: «словно» служит для установления связи между единицами (о характере этой связи мы здесь говорить не будем), но не для модификации значения самих этих единиц. В качестве примера приведем два важных функционально-семантических отличия «как бы» и «словно», первое из которых является общеязыковым, а второе, по всей видимости,

справедливости ради отметим, что Ю.М. Лотман также указывает на отсутствие в тютчевском тексте «стрекозы», однако он не связывает этот примечательный факт со строками Мандельштама).

Тексты О.Э. Мандельштама приводятся по изданию: Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990 (в квадратных скобках указаны номера страниц).

обнаруживается только в тютчевских стихах (хотя, возможно, и отражая некую языковую закономерность):

- С помощью «словно» нельзя приписать субъекту атрибут, имманентный ему. Так, замена «как бы» на «словно» в строках «Смотрю и я, как бы живой, / На эти дремлющие воды» [238] (т.е. «Смотрю и я, словно живой...») возможна только в том случае, если повествование ведется от лица неживого существа. Употребление же «как бы» возможно постольку, поскольку «как бы» модифицирует значение атрибута: если в приведенных примерах «словно живой» = «не живой, но <выглядящий, чувствующий и т.п.> как живой»*, то «как бы живой» = «живой, но близкий к неживому (метафорически – омертвелый)».
- В стихах Тютчева мы не находим никаких устойчивых сочетаний со «словно» (подобных тем, какие встречаются с «как бы»: «как бы» + «сон», «как бы» + «весна»). Отметим, впрочем, что некоторые предпочтения в сочетаемости «словно» все-таки можно установить, в большинстве случаев «словно» у Тютчева сочетается либо (а) с формой N₁, либо (б) с формой N₅: (а) «словно падшие цари»[112], «словно лента»[138], «словно <...> рай»[157]; (б) «словно жадными устами»[123], «словно молнией небесной»[137].

Наконец, вернемся к фрагменту из «Летнего вечера» и скажем несколько слов о его структуре и о той функции, которую выполняет в ней «как бы»: «*И сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы, / Как бы горячих ног ея / Коснулись ключевые воды*». В данном случае «как бы» служит для связи двух клауз, достаточно сложных по своему составу конструкций (отметим, что такого рода конструкция нам еще не встречалась – сходную функцию «как бы» выполняло в «Проблеске», однако там оно присоединяло целое предложение).

В каждой из клауз изображается определенное состояние: (а) «сладкий трепет, пробежавший по жилам», (б) «горячих ног коснулись ключевые («холодные, живительные») воды». Отметим, что в (а) непосредственно дана характеристика качества состояния («сладкий трепет»), в (б) же мы видим только описательный оборот, на основании которого мы должны представить себе подразумеваемое состояние (ср., если (а) – «ему больно», то (б) – «он порезался» и т.п.). Благодаря тому, что состояния (а) и (б) представлены в тексте не изолированно, их семантические признаки дополняют друг друга: так, мы понимаем, что

** Отметим мастерство Тютчева в актуализации внутренней формы слова «грозный», которое имеет здесь самое прямое отношение к «грозе».

* Ср. также: «Как хорошо ты, о море ночное, – / Здесь лучезарно, там сизо-темно... / В лунном сиянии, словно живое, / Ходит, и дышит, и блещет оно...» («Как хорошо ты, о море ночное...», 1865).

результат (б) сходен по своему качеству со «сладким трепетом» (или, скорее, – в контексте стихотворения – идентичен ему).

Семантика «как бы» в «Летнем вечере» близка к семантике сравнительно-условного союза «как если бы» (который, надо сказать, вообще близок к «как бы», однако тяготения к классу частиц – по причине наличия в своем составе «сильного»^{*} союзного элемента «если» – не проявляет). «Ощущение» подобной семантики возникает, на наш взгляд, как раз благодаря особому, указанному выше, сочетанию клауз (а) и (б): (а) характеристика состояния – (б) возможная, но не действительная (NB!), причина данного состояния, выступающая в качестве дополнительной его характеристики (ср. «ему было больно, как если бы он порезался»). В современном русском языке в подобной конструкции может также встретиться союз «как будто», использование же в такой функции «как бы» выглядело бы сейчас несколько архаично (вероятнее всего, кстати, оно выглядело так уже и в пушкинскую эпоху).

Любопытно и то, что конструкция с «как бы» выступает в «Летнем вечере» наряду со сравнительным оборотом, вводимым с помощью «как»: «Сладкий трепет, *как струя*, / По жилам пробежал природы, / *Как бы горячих ног ея / Коснулись ключевые воды*». Этот момент весьма знаменателен, в частности, потому, что в поэзии Тютчева в целом частотность «как бы» напрямую связана с частотностью союза «как», который встречается, пожалуй, в подавляющем большинстве стихотворений поэта: любовь Тютчева к «как бы» – это лишь частный аспект его пристрастия к сравнительным и близким к сравнительным конструкциям вообще (при этом «как» и «как бы» могут выступать у Тютчева в синонимичных контекстах и функциях, о чем также см. далее).

§6. «Утро в горах» (1829)

Контекст: «*Лишь высших гор до половины / Туманы покрывают скат, / Как бы воздушные руины / Вошебством созданных палат*»[81].

S: туманы, покрывающие скат высших гор. Чтобы лучше понять смысловое наполнение S, нам необходимо обратиться в первой строфе данного стихотворения (в целом оно состоит из двух строф, вторая из которых уже приведена выше): «Лазурь небесная смеется, / Ночной омытая грозой, / И между гор росисто вьется / Долина светлой полосой». Обращение к первой строфе дает нам возможность установить наличие оппозиции между ее содержанием и содержанием второй строфы («туманами»). На оппозитивные отношения указывает частица «лишь», выполняющая здесь функцию союза (только приняв во внимание содержание первой строфы, мы можем определить, что «лишь» относится не только к «высшим горам», но ко всей

^{*} По аналогии можно назвать «как» «слабым» союзным элементом (т.к. оно морфологически диффузно).

второй строфе – является коннектором между первой и второй строфами в целом). Если в первой строфе дается «базовая», наиболее широкая картина, картина «радостной, светлой» природы, то во второй – исключение из нее, «туманы», покрывающие скат «высших» («самых высоких») гор.

В поэзии Тютчева «туман» выступает, как правило, в качестве «покрова», «препятствия», скрывающего что-либо, и обычно наделяется «печальными»/«мрачными» коннотациями (особенно если взять прилагательное «туманный»: «Туманная и тихая лазурь / Над грустно-сиротеющей землею»[110], «Осенний вечер», 1830; «На небе тусклом и туманном, / В осенней беспредельной мгле»[153], «Русской женщине», 1848 или 1849; «Для наших слабых глаз, туманных, / Недосягаемы оне...»[200], «Есть много мелких, безымянных...», 1859 и т.д.).

Примерно так же, как и в «Утре в горах», «туманы» оказываются «не совместимы» с картиной утра и в стихотворении «Альпы» (1830) [112], где горы «До восшествия Зари / Дремлют, грозны и туманны, / Словно падшие цари», но с приходом утра наступает «чарам гибельным конец», и, после «просветления» («Первый в небе просветлеет, / Брата старшего венец»), «...блестит в венцах из злата» уже «вся воскресшая семья» – все Альпы. В «Утре в горах» же, по всей видимости, изображен момент, когда утреннее «просветление» полностью еще не наступило.

Посредством «как бы» «туманам» приписывается дополнительный Attr: воздушные руины волшебством созданных палат. Как видим, перед нами опять новая конструкция с «как бы», отличие которой от рассмотренных выше состоит в том, что «как бы» в ней не связано напрямую с какой-либо глагольной формой (ср., «как бы погружены»[66], «как бы потух»[71], «как бы протекло»[71], «как резвяся и играя»[77], «как бы коснулись»[79], но «как бы руины <= волшебством созданных палат», где «волшебством созданных палат» является вторичным определением по отношению к «руинам»).

Примечательно, что Attr так же, как и S, отчасти переключается (входит в одну парадигму!) с «Альпами»: если в «Альпах» лирический субъект говорит о «чарах гибельных», то здесь мы встречаем лексему «волшебство». При этом «гибель» в Attr тоже имеется, и выступает она в форме «воздушных руин», оставшихся от «волшебством созданных палат» (отметим, что слово «палаты» имеет семы 'величественность, масштабность', соответственно и «руины» должны быть достаточно внушительны; кроме того, в В-1 под «палатами» относительно* часто подразумеваются античные строения**, так что «руины палат» в «Утре в горах» вполне могут отсылать к руинам древних Греции и Рима).

* «Относительно», т.к. слово само по себе не слишком частотно.

** Ср. у Е.А. Боратынского: «...в портиках палат / Октавы Тассовы звучат» («Княгине З.А. Болконской», 1829), у К.Н. Батюшкова: «Желал ли обитать во мраморной палате?» («Тибуллова элегия III», 1809), у А.С. Пушкина:

Семантика «как бы» в «Утре в горах» более, чем в других текстах 20-х годов, близка к семантике чисто сравнительной, не в последнюю очередь потому, что «как бы» служит здесь для связи двух объектов (а не двух ситуаций, например): «туманов» (O1) и «руин» (O2). Однако возможность употребления «как» в подобном контексте, думается, являлась все же маловероятной, поскольку для того, чтобы использовать «как», говорящий субъект, как правило, должен быть убежден в реальности существования O2 или, по крайней мере, в точности своего выражения^{***} (можно сказать, что у «как» имеются некоторые ограничения на степень метафоризации присоединяемого O2). В данном случае «воздушные руины» – это, очевидно, не реально существующий, а воображаемый объект, и, кроме того, «руины», собственно, не просто сравниваются с «туманами», но, как мы уже отмечали, говоря о «Проблеске», их признаки «как бы» совмещаются с признаками «тумана» (в очертаниях «тумана» лирический субъект видит «руины»).

Раздел 2.

Модели с «как бы» в поэтическом идиостиле Ф.И. Тютчева

В данном разделе мы прежде всего остановимся, во-первых, на некоторых особенностях синтаксических структур с «как бы» (на одном примере покажем возможную связь определенной конструкции с входящим в эту конструкцию «как бы»), а во-вторых, на семантике устойчивых сочетаний с «как бы» (сочетания с лексемами «сон» и «весна»). Кроме того, попутно мы затронем и ряд других не менее важных вопросов.

§1. Модели с модусной рамкой «люблю»

В двух из пяти рассмотренных выше текстов 20-х гг. мы обнаруживаем модусную рамку «люблю», в которую, в том числе, входит и «как бы»: «Люблю смотреть, когда созданья / Как бы погружены в весне»[66], «Слезы», 1823; «Люблю грозу в начале мая, / Когда весенний первый гром, / Как бы резвяся и играя, / Грохочет в небе голубом»[77], «Весенняя гроза»,

«...вихорь дел забыв для муз и неги праздной, / В тени порфирных бань и мраморных палат, / Вельможи римские встречали свой закат» («К вельможе», 1830).

^{***} По нашим наблюдениям (на материале тютчевской поэзии), в подавляющем большинстве случаев это правило оправдывает себя. Естественно, что, прибегая к выражению «как *феникс*, зародится в нем»[119] («Как дочь родную на заклянье...», 1831), говорящий вовсе не обязан верить в существование птицы феникс в живой природе: под «существованием в реальности» мы понимаем «существование за пределами данного субъекта» (т.е., возможно, в литературе, в культуре в целом). Мысль же о «воздушных руинах» (или их образ) существует именно лишь в сознании данного лирического субъекта. Таким образом, «как бы» можно назвать еще и маркером субъективности, предупреждающим о том, что далее последует некий «не обычный способ выражения смысла»

<1828>. Факты такого употребления отчасти подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что наличие в тексте «как бы» связано с выражением определенного эмоционального состояния. Существование некоторой зависимости между наличием в тексте модусной рамки «люблю» и «как бы» подтверждает и еще один пример – из стихотворения 1858-го года «Осенней поздней порою...»: «Люблю я царскосельский сад, / Когда он тихой полумглою, / Как бы дремотою, объят...»[199]. Однако нас сейчас будет интересовать не эта зависимость сама по себе (т.к., в действительности, разговор о ней можно вести только проанализировав весь корпус стихотворений Тютчева с точки зрения их эмоционального содержания*), но место «как бы» в данной конкретной структуре.

На наш взгляд, появление «как бы» в конструкциях с «люблю...» можно попытаться объяснить не только с чисто семантической точки зрения, но и с точки зрения конструктивной (т.е. появление «как бы» обуславливается и самой конструкцией). Чтобы удостовериться в этом, обратимся к процитированным примерам, а также ряду других стихотворений, в которых используется модусная рамка «люблю...».

Прежде всего, следует отметить, что конструкция «люблю..., когда» так же, как и «как бы», является специфической приметой идиостиля Тютчева. Достаточно частотная у Тютчева, эта конструкция практически не встречается в текстах В-1; точнее говоря, она встречается только у одного (!) автора – Ю.М. Лермонтова (это было для нас на самом деле удивительно – мы не предполагали, что данная конструкция ни разу не обнаружится, например, в полных собраниях стихотворений Карамзина или Батюшкова). При обследовании стихотворений Лермонтова³⁹ было выявлено пять употреблений конструкции «люблю..., когда...» (но ни в одном из случаев дальнейшего ее расширения с помощью «как бы» не находим, т.е. конструкция выступает не в трех-, но в двухчастной форме; см. далее, впрочем, некоторые замечания на этот счет). Случайно или нет, но все пять выделенных фрагментов связаны с описанием природы, причем везде мысли (или взгляд) лирического субъекта так или иначе обращаются к небу (выделено полужирным шрифтом):

1. *«Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день, / Укрывшись лесов в таинственную сень, / Или под ветвями пустынных рябины, / Смотреть на синие, туманные равнины» («Пан», 1829).*
2. *«Люблю, когда, борясь с душою, / Краснеет девица моя: / Так перед вихрем и грозой / **Красна вечерняя заря**» («Стансы», 1830).*

(на самом деле, это очень близко к уже отмеченным нами функциям маркера метафоричности и маркера невыразимого, однако все же не равно им).

* Т.е. определив место конструкций с рамкой «люблю» в ряду других средств, выражающих эмоционально-оценочные состояния.

³⁹ По изданию: Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 4т. Т. 1 – 2. М.: Художественная литература, 1957.

3. *«Люблю я солнце осени, когда, / Меж тучек и туманов пробираясь, / Оно кидает бледный, мертвый луч / На дерево, колеблемое ветром, / И на сырую степь»* («Солнце осени», 1831).
4. *«Люблю я цепи синих гор, / Когда, как южный метеор, / Ярка без света и красна / Всплывает из-за них луна»* («Люблю я цепи синих гор», 1832).
5. *«О, я люблю густые облака, / Когда они толпятся над горою, / Как на хребте стального шишака / Колеблемые перья! Пред грозюю, / В одеждах золотых, издалека / Они текут безмолвным караваном»* («Сашка», 1835 – 1836).

Если мы примем во внимание даты написания стихотворений, то увидим, что все они созданы в очень близкие сроки – с 1829-го по 1832 годы (если не считать поэму «Сашка»). Вполне вероятно (хотя и очень гипотетично), что Лермонтов «подсмотрел» эту конструкцию у Тютчева, у которого она впервые появляется в стихотворении «Слезы», опубликованном в 1827-ом году в альманахе «Северная лира» (в «Весенней грозе» же, появившейся, как мы помним, в 1829-ом году в журнале «Галатей», конструкции «люблю..., когда...» еще не было).

Феномен использования определенного языкового средства в течение некоторого ограниченного времени с последующим отказом от него, который мы видим в случае Лермонтова, очень интересен. Процесс обновления художественных приемов (к которым, без сомнения, относятся и специфические языковые конструкции) происходит, как правило, на протяжении всей творческой жизни автора. В этом можно усмотреть как естественное стремление пишущего избежать очевидных самоповторов, так и просто то, что использованный многократно художественный прием «приедается» и часто уже не оказывает должного воздействия на читателя (и что еще более важно – на самого автора). Не будем останавливаться на этом вопросе подробно*, приведем лишь еще один характерный пример данного феномена, тем более, что он непосредственно связан с нашей темой.

Состоит этот пример в следующем: обратившись к употреблением «как бы», встречающимся в стихотворениях Пушкина⁴⁰, мы можем увидеть, что все эти употребления приходятся на два года – 1825 и 1826-ой, т.е. языковое средство здесь опять-таки используется на протяжении лишь очень ограниченного отрезка времени, чтобы потом оказаться отброшенным («Готов я как бы с неба пасть», «Наброски к замыслу о Фаусте», 1825; «Со Львом Сергеичем давно ль, / Как бы на смех судьбине гневной, / Ты разделяла хлеб да соль», «Элегия на смерть Анны Львовны», 1825; «Он правду видит, видит ясно, / И нестерпимая тоска, / Как бы

* Интересно было бы, например, проследить, какие языковые средства Тютчев использует на протяжении всего творческого пути (кроме уже отмеченных нами), а какие – лишь в течение какого-то ограниченного срока (или вообще – единожды).

⁴⁰ Согласно изданию: Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 – 2. М.: Гослитиздат, 1959.

холодная рука, / Сжимает сердце в нем ужасно», «Из Ариостова “Orlando furioso”», 1826). Кроме того, заметим, что пушкинские тексты с «как бы», в отличие от значительной части тютчевских, явно не принадлежат к числу лучших художественных достижений поэта.

Впрочем, в отношении пушкинских произведений в целом стоит сделать одну существенную оговорку: дело в том, что «как бы» у Пушкина встречается куда чаще в более «объемных» жанрах. Практически не прибегая к «как бы» в небольших по объему стихотворных текстах^{*}, Пушкин семь раз использует его в поэмах:

«Руслан и Людмила»	1817-1820	«Борцы, недвижно сплетены, / Друг друга стиснув, остаются, / <i>Как бы</i> к седлу пригвождены»; «Зачем Русланову подругу, / <i>Как бы на смех</i> [точно такую же конструкцию мы видели и в «Элегии на смерть Анны Львовны» - А.Б.] ее супругу, / Зову и девой и княжной?»; « <i>Как бы</i> пророчеству на зло [и опять: «как бы»+на N ₄ +N ₃ !; у Тютчева же такая модель совершенно отсутствует – А.Б.], / Все счастливо сначала шло».
«Кавказский пленник»	1820-1821	«Она, задумчива, сидела; / <i>Как бы</i> участием немим / Утешить пленника хотела».
«Полтава»	1828-1829	«Вдруг... слабый крик... невнятный стон / <i>Как бы</i> из замка слышит он».
«Медный всадник»	1833	«Еще кипели злобно волны, / <i>Как бы</i> под ними тлел огонь»; «К сердцу своему / Он прижимал поспешно руку, / <i>Как бы</i> его смиряя муку».

Прежде, чем вернуться к примерам конструкций «люблю..., когда...» из тютчевских стихотворений, стоит обратить внимание еще на один примечательный момент в приведенных фрагментах из текстов Лермонтова, а именно на то, что в трех из них присутствует легко обнаруживаемый элемент сравнительности, который, теоретически, соотносим с «как бы» в аналогичных конструкциях у Тютчева: «*Люблю, когда*, борясь с душою, / Краснеет девица моя: / **Так** перед вихрем и грозой / Красна вечерняя заря», «Стансы»; «*Люблю я цепи синих гор, / Когда, как* южный метеор, / Ярка без света и красна / Всплывает из-за них луна», «Люблю я цепи синих гор»; «О, я *люблю* густые облака, / *Когда* они толпятся над горою, / **Как** на хребте стального шишака / Колеблемые перья!», «Сашка».

Интересно, что и у Тютчева, в тех конструкциях «люблю..., когда...», где «как бы» не встречается, мы также находим языковые средства, выражающие сравнительное или близкое к

^{*} На этот вопрос можно взглянуть и с другой точки зрения: поскольку «Наброски к замыслу о Фаусте» вряд ли задумывались как небольшое по объему стихотворение, а «Orlando furioso» тем более не является таковым (Пушкиным переведена его часть), то вполне уместно предположить, что Пушкин, в сущности, принципиально использовал «как бы» лишь в крупных произведениях (условно говоря, в поэмах), исключение составит одна только «Элегия на смерть Анны Львовны».

нему значение. В одном случае (стихотворение «Люблю глаза твои, мой друг...», 1836) таким средством оказывается «словно», о частотности и некоторых свойствах которого мы уже говорили: «*Люблю* глаза твои, мой друг, / С игрой их пламенно-чудесной, / *Когда* их приподынешь вдруг / И, **словно** молнией небесной, / Окинешь бегло целый круг...»[137] (и здесь вновь, как в «Не остывшая от зною...» и в «В душном вечера молчанье...» глаза оказываются связаны с небом!). В другом же случае – стихотворение «Конь морской», 1830 – момент сравнительности вносится не каким-то конкретным словом или оборотом, но всем текстом, который представляет собою развернутую метафору («конь морской» – волна): «*Люблю* тебя, *когда* стремглав, / В своей надменной силе, / Густую гриву растрепав / И весь в пару и мыле, / К брегам направив бурный бег, / С веселым ржаньем мчишься, / Копыта кинешь в звонкий брег — / **И в брызги разлетишься!**...»[107].

Итак, можно утверждать, что полная модель данной конструкции состоит из трех компонентов:

1. **Глагол «люблю»**, относящийся, в сущности, ко всему следующему за ним предложению (т.е. все предложение служит для его пояснения), являясь глаголом переходным, обычно имеет при себе прямой объект, выраженный именем или местоимением в винительном падеже: «люблю грозу», «люблю облака» (как правило, этому объекту сразу же дается некоторая характеристика: «грозу *в начале мая*», «*густые облака*»). Однако в значительной части наших примеров в качестве объекта при глаголе «люблю» выступает не какое-то конкретное слово/словосочетание, а придаточное предложение, присоединяемое при помощи союза «когда»: «Люблю, *когда* <...> *краснеет девица моя*». Причем и слово, и придаточное предложение могут относиться к «люблю» не напрямую, но через посредство дополнительного уточняющего глагола (часто – «смотреть»): «люблю *смотреть*, *когда*...», «люблю, друзья, *когда* за речкой гаснет день, <...> *смотреть* на синие, туманные равнины» * (еще один пример с данным глаголом см. далее). Еще одна возможная модификация первой части конструкции состоит в наличии/отсутствии в ней местоимения «я» (из десяти приведенных примеров «я» присутствует в четырех, при этом в трех из них оно находится в постпозиции по отношению к глаголу, и в одном – в препозиции: «о, я люблю густые облака»).

* Вообще говоря, одна из причин, по которой мы предположили, что Лермонтов «подсмотрел» конструкцию «люблю..., когда...» у Тютчева, состоит как раз в том, что в лермонтовском «Пане» появляются сразу два необязательных распространителя этой конструкции, точно такие же, какие мы видим в «Слезях»:

«Слезы»	«Пан»
«Люблю, друзья , ласкать очами...», «Люблю смотреть , <i>когда</i> ...».	«Люблю, друзья , <i>когда</i> за речкой гаснет день, <...> Смотреть на синие, туманные равнины».

2. **Придаточное, вводимое союзом «когда».** Семантика союза «когда» в данной, изъяснительной по своей природе, конструкции неординарна. По данным «Русской грамматики – 80», «Семантическая сфера изъяснительности не является непроницаемой, границы ее подвижны, а в ряде случаев – слабо обозначены. Наименее специфическим видом изъяснительных отношений являются отношения, характеризующие <...> стороны его психических реакций на то или иное событие»⁴¹. «Слабая обозначенность» границ изъяснительности в подобных структурах во многом связана с тем, что они «оформляются временными, условными и условно-временными союзами»^{42*} (у нас это – союз «когда»). Таким образом, собственно изъяснительная семантика осложняется в конструкции «люблю..., когда...» семантикой либо временной («Люблю я царскосельский сад, / Когда (=в те минуты, когда) он тихой полумглою, / Как бы дремотою, объят...»), либо сочетающей в себе и временную, и условную составляющие («Люблю, когда (ср., если), борясь с душою, / Краснеет девица моя»).
3. **Сравнительный или близкий по семантике компонент,** который может быть реализован посредством «как», «словно», «как бы» и, очевидно, ряда других средств^{**}. Этот компонент является факультативным и служит для дополнительной характеристики объекта, представленного в изъяснительном придаточном. Однако, несмотря на свою факультативность, этот компонент, как видим, достаточно часто проявляется в конструкциях типа «люблю..., когда...».

Выделим теперь данные компоненты в предложениях из тютчевских стихотворений с «как бы»:

- Люблю {смотреть ⇒ когда создания в весне [погружены ⇒ как бы]};
- Люблю {грозу в начале мая ⇒ когда весенний первый гром в небе голубом [грохочет ⇒ как бы резвяся и играя]};
- Люблю я {царскосельский сад ⇒ когда он объят [тихой полумглою ⇒ как бы дремотою]}.

Естественно, все употребления «как бы» и близких к нему «как», «словно» и др. в конструкции «люблю..., когда...» можно объяснить, просто исходя из высокой частотности подобных единиц в поэтическом лексиконе Тютчева, однако нам кажется, что выявленные структурные закономерности все-таки нельзя не принимать во внимание (особенно если учесть

⁴¹ Русская грамматика. Т.2. М.: Наука, 1980. – С. 481.

⁴² Там же. С. 481.

* Кстати, один из примеров, приведенных в «Русской грамматике» – это именно «Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день».

маргинальный характер рассмотренной конструкции). Кроме того, как мы постараемся далее показать, именно *устойчивые сочетания* определенных слов являются одной из характерных примет тютчевского идиостиля*.

§2. Устойчивые модели «как бы+сон» и «как бы+весна»

и их семантические особенности

Особенно велика и разнообразна сфера сна.

Ю.М. Лотман,

Поэтический мир Тютчева

Одной из ярких функциональных особенностей лексемы «как бы» в поэзии Тютчева является частая ее употребительность в сочетании с ограниченным набором слов, а именно – в сочетании со словами «сон» и «весна» либо их парадигматическими коррелятами (синонимами или синонимичными выражениями). Строго говоря, данные сочетания нельзя назвать устойчивыми, т.к. их состав иногда достаточно сильно варьируется («погружены в весне» – «повеяло весною»; «во сне» – «сквозь сон»), однако мы все же используем этот термин, подразумевая под «устойчивостью» не неизменность в формальном отношении, а постоянство ассоциативной связи между концептами (именами которых в лингвопоэтике признаются слова)

**

Обозначим круг стихотворений, в которых встречаются сочетания «как бы + сон» и «как бы + весна»:

1. «Как бы + сон» (шесть текстов): (а) «Воин-сторож на стене / Слышал, тайно очарован, / Дальний гул, **как бы во сне**» [126] («Там, где горы, убегая...», <1835>); (б) «Вдруг все смутилось: судорожный трепет / По ветвям кипарисным пробежал, – / Фонтан замолк – и некий чудный лепет, / **Как бы** сквозь сон, невнятно прошептал...» [141] («Итальянская villa», 1837); (в) «И меж зыбью и звездой / Он скользит **как бы во сне...**» [165] («На Неве», 1850); (г) «Сумрак тут, там жар и крики, / Я брожу **как бы во сне**, – / Лишь одно я живо чую: / Ты со мной и вся во мне» [190] («Пламя рдеет, пламя пышет...», 1855); (д) «Люблю я царскосельский сад, / Когда он тихой полумглою, / **Как бы дремотою**, объят...» [199] («Осеннюю позднюю порою...», 1858); (е) «Как после вековой разлуки /

** Ср. фрагмент из стихотворения А. Фета «Ласточка» (1840), в котором, правда, элементы конструкции разнесены по разным предложениям: «Я люблю посмотреть, / Когда ласточка / Вьется вверх иль стрелой / По рву стелется. // Точно молодость! <...>» (источник: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/fet/ya-lyublyu-posmotret.html>).

* На самом деле, конечно, некоторый набор любимых слов и сочетаний слов имеется у каждого автора – все дело в объеме и составе этого набора.

** Между прочим, интересно отметить, что, по мнению Г.О. Винокура, «в художественном языке всякое сочетание слов в тенденции превращается в тесное, в фразеологическое единство, в нечто устойчивое, а не случайное» (Винокур Г.О. Указ. соч. С. 57 – 58).

Гляжу на вас, *как бы во сне*, – / И вот – слышнее стали звуки, / Не умолкавшие во мне...» [255] («К.Б.», 1870).

2. «Как бы + весна» (три текста): (а) «Люблю смотреть, когда созданыя / **Как бы погружены в весне...**» [66] («Слезы», 1823); (б) «Вдруг ветер подует, теплый и сырой, / Опавший лист погонит пред собою / И душу нам обдаст **как бы весною...**» [155] («Когда в кругу убийственных забот...», 1849); (в) «И вот, я чую, надо мною, / Не наяву и не во сне, / **Как бы повеяло весною, / Как бы запело о весне...**» [168] («Графине Е.П. Ростопчиной», 1850).

Таким образом, как видим, «как бы» входит в состав устойчивых сочетаний в девяти текстах, т.е. примерно в сорока процентах от числа всех стихотворений, в которых оно употребляется (напомним, что общее число текстов с «как бы» у Тютчева равно двадцати трем).

Все сочетания типа «как бы + сон» (далее – «КС») можно разделить на две группы – в зависимости от того, характеризуют они состояние человека или же состояние окружающего мира. Сочетания первой группы связаны с глаголами: слышал – как бы во сне, брожу – как бы во сне, гляжу – как бы во сне (обратим внимание, что два из трех этих глаголов – глаголы восприятия: далее мы будем еще не раз сталкиваться со словами, выражающими семантику восприятия). Рассмотрим сочетания первой группы:

«Как бы во сне» в (1а) характеризует одновременно и «воина-сторожа» и «дальний гул». С одной стороны, «КС» во фразе «слышал <...> дальний гул, как бы во сне» дает читателю дополнительное представление о свойствах «дального гула» (непонятный, неразборчивый, смутный), с другой стороны – указывает на особенности восприятия «воина», причем свойства «гула» и особенности восприятия связаны в тексте таким образом, что первые оказываются представленными через посредство вторых: «гул» «неразборчив» и «непонятен» не объективно (этого читатель не знает), но потому, что так его услышал «воин». При этом состояние «КС» – это состояние не обычное, стоящее в одном ряду с состоянием «тайно очарован», «КС» маркирует, так сказать, «измененное состояние сознания»*, связанное с неординарностью, «не повседневностью» впечатлений. Впрочем, в (1а) «КС» указывает и непосредственно на состояние, близкое ко сну: ср. начало следующей строфы, «[воин – А.Б.] лишь дремой забывался, / Гул ясел и грохотал...» (сначала он был «как бы во сне», т.е. хотя почти во сне, но все-таки еще не совсем во сне, а затем – «дремой забывался», т.е. погружался в «сон» полностью, без «как бы»).

* Ср. употребление данного термина – уже без кавычек – применительно к «человеку как бы»: «Существование реальности и вообще существование чего бы то ни было для человека Как бы далеко не бесспорно. При этом в отличие от картезианца и солипсита он готов даже сомневаться в существовании собственного Я, так как находится в постоянном измененном состоянии сознания, в деперсонализации» (Руднев В.П. «Как бы» и «На самом деле» // Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997 – С. 124).

Интересно также, что в (1а) неординарность изображаемого события (и, соответственно, впечатления «КС») с современной точки зрения противопоставлена его привычности с точки зрения «древних времен»: «Там-то, бают, в стары годы / По лазуревым ночам / Фей вилися хороводы» и т.д. <=> последняя строфа: «Все прошло, все взяли годы – / Поддался и ты судьбе, / О Дунай, и пароходы / Ныне рыщут по тебе».

Два других сочетания, входящих в эту же группу, характеризуют уже не состояние некоего полусказочного персонажа, а состояние лирического субъекта, находящегося в ситуации «здесь и сейчас» («я брожу...», «я гляжу...»).

В (1г) отметим два принципиальных момента. Во-первых, ситуация «брожу как бы во сне» дана в тексте как результат противоречивости окружающего мира, где «Пламя рдеет, пламя пышет, / Искры брызжут и летят», а «...на них прохладой дышит / Из-за речки темный сад» и т.д. Ситуация «сумрак тут, там жар и крики» и порождает ощущение лирического субъекта, что он «бродит как бы во сне», где «как бы» близко по значению к «как будто» и подчеркивает нереальность события с позиции лирического субъекта, взятого в момент времени до совершения данного события (т.е. раньше он не предполагал, что ситуация «сумрак тут, там жар и крики» возможна в действительности, и потому теперь ощущает себя «как бы во сне»).

Примечательно то, что «как бы» у Тютчева подчас отмечает именно границу между двумя мирами, когда не ясно, в каком из этих миров находится лирический субъект или какой-либо иной предмет изображения. Вообще говоря, отсутствие четкой границы между двумя текстовыми мирами является одной из специфических – хотя, вероятно, и не уникальных – тютчевских черт (это, в сущности, – тютчевская рецепция идеи романтического двоемирия). Приведем ряд наиболее ярких примеров, в которых «как бы» связано с выражением подобного «промежуточного» состояния: «И меж зыбью и звездой / Он скользит **как бы** во сне...» [165] («На Неве», 1850), «И вот, я чувю, надо мною / Не наяву и не во сне, / **Как бы** повеяло весною, / **Как бы** запело о весне...» [168] («Графине Е.П. Ростопчиной (в ответ на ее письмо)», 1850), «О вещая душа моя, / О сердце, полное тревоги, – / О, как ты бьешься *на пороге* / **Как бы** двойного бытия!» [192] («О вещая душа моя...», 1855).

В стихотворении «На Неве» (1в) ситуация двоемирия, в которой находится «таинственный челн», несущий двух «призраков», раскрывается в третьей строфе, где о призрачных «пассажирах» челна читаем: «Дети ль это праздной лени / Тратят здесь досуг ночной? / Иль блаженные две тени / Покидают мир земной?». Как мы помним, схожий прием был использован для создания неопределенности и в стихотворении «В душном воздуха молчанье...» («Сквозь ресницы шелковые / Проступили две слезы... / Иль то капли дождевые / Зачинающей грозы?...»), и вновь Тютчев не выделяет ни один из вариантов как более

предпочтительный, оставляя «тайну челна» нераскрытой (а в действительности – делая оба варианта одновременно возможными).

К стихотворению «Графине Е.П. Ростопчиной» (2в) мы обратимся несколько позже, а пока скажем несколько слов о тексте «О вещая душа моя...». «Как бы» в выражении «как бы двойное бытие» выступает в качестве средства и маркера метафоризации: автору было важно показать, что «двойное бытие» – это не два разных бытия, но одно, совмещающее признаки двух, и он решает эту художественную задачу с помощью «как бы», превращая тем самым «двойное бытие» в метафору (здесь мы, очевидно, видим перенос значения по сходству: «бытие» на самом деле не «двойное», но напоминающее «двойное»; ср. одно из толкований «как бы» у Даля: «похоже на то»).

Во второй строфе данного стихотворения признаки «как бы двойного бытия» приписываются героине («так ты – жилица двух миров») и, что для нас сейчас важно, в качестве одного из «доказательств» двойственности положения героини (полагают, что ее прообраз – Е.А. Денисьева) приводится ее «пророчески-**неясный**, как откровение духов» сон.

Возвращаясь к (1г), нужно, и это – во-вторых, указать на имеющееся в нем противопоставление, также проясняющее некоторые свойства «КС»: «Я брожу как бы во сне, – / **Лишь** одно я живо чую: / Ты со мной и вся во мне». Как видим, «КС» семантически противопоставляется здесь словосочетанию «живо чую», т.е. «чую» – согласно словарю В.И. Даля – «ясно, точно, верно»⁴³. Соответственно, «КС» в этом свете, напротив, наделяется такими показателями, как «неясность» и «неточность» (поскольку лирический субъект «живо чувствует» *«лишь одно»*, читатель волен предположить, что все остальное он «чувствует» не «живо»).

Любопытно отметить, что глагол «чувять», а также исторически однокоренное прилагательное «чуткий» встречаются и в ряде других текстов с «как бы». Приведем пример из стихотворения «Наполеон» (<1850>), в котором появляются оба этих слова: «Но чуток сон – и по ночам, тоскуя, / Порою встав, он смотрит на восток / И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя / Передрагветный ветерок» [161] (речь идет о «почившем» Наполеоне, порою пробуждающемся от могильного сна). В действительности, словосочетание «чуткий сон» по своей семантике очень близко к «как бы во сне»: вновь обратившись к словарю Даля, мы узнаем, что «чуткий сон» – это сон «легкий, будкий»⁴⁴, т.е., в принципе, находящийся как раз на границе между сном и явью (Наполеон «как бы спит»). Эта аналогия еще более укрепляется тем, что в тексте говорится не о живом человеке, но о «мертвецце» (добавляется момент ирреальности, свойственный «как бы»). Выражение «как бы почуя» может трактоваться по-разному: не вполне понятно, показалось ли призраку, что он «почувствовал передрагветный ветерок», или же он просто

⁴³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. Т.1. М.: Рус. яз., 1989. – С. 538.

ведет себя, *как если бы* он его «почуял» (т.е. ощущения «передрасветного ветерка» у него и не было)? Как мы понимаем, такая неоднозначность возникает именно за счет диффузности семантики «как бы» (ср. «бежит, почуя передрасветный ветерок», где никакого сомнения в причинах «бегства» призрака не возникает). Прежде, чем обратиться к другим текстам, не можем не заметить, насколько забавно в контексте нашей темы звучат слова цензора А.Л. Крылова, запретившего публикацию «Наполеона» в «Современнике» «за неясностью мысли автора, которая может вести к толкам весьма неопределенным»⁴⁵.

В (1e) «КС» выступает в сочетании с глаголом «гляжу»: «гляжу, как бы во сне». Однако несмотря на это семантика «КС» связана здесь не с отражением каких-то особенностей зрительного восприятия лирического субъекта – скорее, можно говорить об особенностях ментального восприятия («ментального зрения»): образ героини *в уме* лирического субъекта предстает как смутный, расплывчатый и т.п., что связано и с его долгой разлукой с нею («Как после вековой разлуки / Гляжу на вас, как бы во сне»), и с эмоциональной насыщенностью данного события. Состояние «КС» в (1e) есть в некоторой степени состояние погруженности в прошлое: прошлое – это сон, который вспоминается герою в момент встречи. Кроме того, «КС» в (1e) служит для передачи ощущения некоторой фантастичности изображаемой ситуации: вследствие того, что данная ситуация кажется лирическому субъекту невероятной, он чувствует себя *как будто* находящимся во сне. Таким образом, в (1e) мы видим один из примеров крайней неоднозначности «КС» и «как бы».

Необходимо сказать, что в поэзии Тютчева – и отчасти мы уже об этом упоминали – вообще велико число языковых средств, обладающих «неясной» семантикой, слов, которые, как правило, не имеют конкретного, легко представимого, денотата и служат для выражения предельно субъективных ощущений. К ним относятся и «сон», и «звуки» («И вот – слышнее стали звуки, / Не умолкавшие во мне...», «К.Б.» [255]), и «трепет», и слова типа «смутный», «смутилось» («Вдруг все *смутилось*: судорожный *трепет* / По ветвям кипарисным пробежал», «Итальянская villa» [141]) и др. (Естественно, что словосочетание «судорожный трепет», например, вызывает у читателя достаточно, хотя и не вполне, определенные умственные ощущения – все дело в степени «неясности»). Наряду с «как бы», в одном предложении у Тютчева может находиться целый арсенал такого рода средств. В качестве яркого примера приведем строки, где семантика практически каждого следующего слова усугубляет у читателя ощущение «неопределенности»: «...некий чудный лепет, / Как бы сквозь сон, невнятно прошептал» [141] (1б). Звуки «лепета» уже сами по себе неотчетливы, однако у Тютчева «лепет» еще и «некий чудный», и «невнятно шепчущий, как бы сквозь сон».

⁴⁴ Там же. С. 616.

Нужно сказать, что, помимо сочетаний «как бы во сне», у Тютчева встречаются и сочетания «как во сне», в которых значение «как» оказывается близким к «как будто» и «как бы»: (1) «Я вспомянул о старине: / Тогда все было так уютно / И люди жили *как во сне*» [74] («Из Гейне», между 1826 и 1829), (2) «Весь, *как во сне*, я потерян стою» [216] («Как хорошо ты, о море ночное...», 1865), (3) «Югом блещет, югом веет / И живет *как во сне*» [227] («Небо бледно-голубое...», 1866). Впрочем, если в сочетании «как во сне» близость «как» и «как бы» еще не столь очевидна, то во фразах типа «Тревожно ропщут их вершины, / *Как* совещаюсь меж собой» [181] («Как весел грохот летних бурь...», 1851), невозможных в современном русском, она обнаруживается совершенно отчетливо. Обратившись к примерам с «как во сне», отметим также, что в них мы обнаруживаем, в сущности, устойчивое сочетание большего масштаба, чем просто «КС»: «жить как во сне» (1 и 3), обладающее значением, которое можно условно квалифицировать как ‘жить счастливо’.

Рассматривая сочетание «КС», нельзя также не обратить внимание и на то, что входящая в него лексема «сон» вообще является крайне частотной у Тютчева (не будет большим преувеличением сказать, что мотив «сна» – это наиболее распространенный мотив в тютчевских текстах). Мы уже отмечали соотношенность «сна» и «как бы» в стихотворениях «Слезы», «Наполеон» и «О вещая душа моя...», рассмотрим теперь один весьма примечательный текст, разбор которого был специально отложен нами на конец этого параграфа, так как в данном тексте – «Графине Е.П. Ростопчиной», 1850 (2в) – в сгущенном виде представлены многие из упомянутых выше особенностей.

Самая любопытная строфа (2в) – строфа номер два: «И вот, я чую, надо мною, / Не наяву и не во сне, / Как бы повеяло весною, / Как бы запело о весне...». Во-первых, мы видим здесь второй тип сочетания с «как бы», «как бы+весна», где «как бы» является средством раскрытия ощущений героя: «как бы» указывает именно на отнесенность признака «повеяло весною» к субъективной сфере, т.е. лирический субъект говорит не о том, что весною действительно «повеяло», а о том, что он чувствует себя так, *будто* это произошло (характерно и то, что здесь вновь используется глагол восприятия «чувать», обладающий более размытой и субъективной семантикой, чем, скажем, «слышать» или «видеть» и т.п.; по Далю, «чувать» значит «познавать чувствами, ощущать, чувствовать, слышать, особенно осязанием, обонянием, вкусом, также слухом, но не зрением»⁴⁶, а кроме того, «чувать» может иметь значение, близкое к «казаться»).

Во-вторых, строка «не наяву и не во сне», где, как мы уже говорили, осуществляется маркирование границы между двумя мирами, очень напоминает по своим функционально-семантическим свойствам сочетание «КС», т.е. «не наяву и не во сне», в сущности,

⁴⁶ Цит. по: Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. – С. 393.

представляет собою развернутое «как бы во сне» («х как бы z» в таком случае равно «х не у, но и не z», где «у» – объект или состояние, в определенном отношении противоположное «z»).

В-третьих, в данной строфе мы обнаруживаем сочетание концептов «сон» и «весна», также очень характерное для идиостиля Тютчева и нередко служащее для реализации в тексте «банальной» метафоры «зима – сон, весна – пробуждение», которая, впрочем, никогда не появляется у Тютчева в «неприкрытом» виде: ср., «...воды уж весной шумят – / Бегут и будят сонный брег...» [105] («Еще в полях белеет снег...», (1829), начало 30-х гг.) или «Еще природа не проснулась, / Но сквозь редящего сна / Весну послышала* она / И ей невольно улыбнулась...» [137] («Еще земли печален вид...», 1836). Кстати говоря, лирический субъект стихотворения «Графине Е.П. Ростопчиной» прежде, чем «как бы почувствовать» весну, тоже «под сугробом снежным лени <...> спал», так что состояние «не наяву и не во сне» здесь – это еще и состояние между метафорическими «зимой» и «весной».

Интересно, что паре «не наяву и не во сне» – «как бы во сне» в тютчевских стихах мы обнаруживаем соответствие в виде «не мертвец и не живой» – «как бы живой», причем в обоих текстах, из которых взяты данные примеры, важную роль играет опять-таки семантика «сна». В первом стихотворении – «Чародейкою Зимою...», 1852 – автор вновь использует метафору «зима – сон», применяя ее к «лесу», который «стоит <...>, околдован, / Не мертвец и не живой – / Сном волшебным очарован» [185]. Во втором – «Опять стою я над Невой...», 1868 – «как бы живой», герой ощущает себя находящимся «как бы во сне»: «Во сне ль все это снится мне, / Или гляжу я в самом деле / <...>?» [238] (герой не может понять, в каком из двух миров он в данный момент находится: жив он или, скорее, мертв, наяву он или же во сне?). Как видим, семантическая близость данных текстов невелика, однако для нас сейчас важна сама возможность развертывания сочетания с «как бы z» в конструкцию «не у, но и не z».

Напоследок обратим внимание на несколько интересных сочетаний из уже рассмотренных текстов: «вижу я, как бы **сквозь** дымки, волшебный сад» [168] (2в), «**сквозь** редящего сна весну послышала она» [137] («Еще земли печален вид...») и «некий чудный лепет, / Как бы **сквозь** сон, невнятно прошептал» [141] (1б). Во всех трех фразах сочетания с «как бы» служат для передачи ощущения затрудненного восприятия, в первом затрудняющим фактором являются «дымки», в остальных – «сон». В первом и третьем случаях мы видим одинаковую конструкцию: «как бы сквозь z», где «z» наделяется свойствами полупроницаемой преграды (расслышать что-либо «как бы сквозь сон» и или увидеть «как бы сквозь дымки» можно, но лишь преодолев некоторые неудобства). Во втором случае «как бы» отсутствует, однако здесь

⁴⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. Т.4. М.: Рус. яз., 1989. – С. 616.

* В контексте стихотворения «Еще в полях белеет снег...» слово «послышала» получает новый – «прямой» – смысл.

имеется его своеобразный эквивалент – причастие «редеющий», также связанное с выражением семантики переходности: редеющий, т.е. уже начавший редеть, но еще не поредевший до конца. Таким образом, мы лишний раз убеждаемся в том, что «как бы» в идиостиле Тютчева – элемент вовсе не случайный, но накрепко впаянный в общую систему его языковых средств.

Выводы по главе: Для выявления функционально-семантических особенностей языковой единицы в поэтическом тексте, необходимо учитывать не только закономерности «общего языка», но и свойства языка поэтического. Кроме того, в нашем случае многие из качеств «как бы» как частицы «наложились» на свойства поэтического языка: «как бы» и как частица, и как слово, находящееся в поэтическом тексте, многозначно, полифункционально, контекстуально зависимо. Именно на эти три момента мы и обращали наибольшее внимание в ходе анализа.

Многозначность и полифункциональность «как бы» проявилась в том, что практически в каждом из рассмотренных нами текстов в семантике «как бы» проявлялись свои уникальные черты, связанные не только с собственно лексическим уровнем, но и с уровнем синтаксическим («как бы» выполняет различные синтаксические функции). При этом в полной мере раскрыть степень многозначности «как бы» мы могли только опираясь на ее контекстное окружение – начиная с микроконтекста (ближайшие слова) и заканчивая глобальным контекстом творчества Тютчева в целом (а нередко, и выходя на более широкий уровень).

Однако, несмотря на многозначность «как бы», в функционировании данной единицы можно установить и ряд общих закономерностей, связанных с ее сочетаемостными свойствами: в частности, вхождением в синтаксическую конструкцию «люблю..., когда...», а также относительно частой встречаемостью в устойчивых сочетаниях вида «как бы + сон» и «как бы + весна».

Заключение

Подводя итоги, назовем основные из тех функционально-семантических свойств «как бы», которые были выделены нами в ходе работы:

- Использование «как бы» указывает на недостаточность языковых средств для полного выражения мысли (что связано, в частности, с романтической проблемой «невыразимого»), наглядно демонстрирует существование «зазора» между мыслью и словом.
- «Как бы» привносит в текст момент неопределенности, подчас не позволяя читателю «однозначно идентифицировать референт» слова «в мире дискурса»⁴⁷ (впрочем, в нашем

⁴⁷ См.: Кобозева И.М. Указ. соч. С. 231.

случае, возможно, лучше говорить о невозможности однозначной идентификации *признаков* референта).

- «Как бы» обычно появляется при описании действия или состояния, характеризующегося сложной структурой (например, действия, в способе осуществления которого отсутствует четкость и предсказуемость).
- «Как бы» является синкретичной единицей, выполняющей как функцию уточнения, так и функцию связи (союзную функцию). На наш взгляд, нельзя четко отграничить «как бы»-союз от «как бы»-частицы.
- Одним из базовых значений «как бы» является значение «метафорического уподобления», одной из базовых функций – функция изменения качества и степени проявления признака (в сторону уменьшения и «утонышения» соответственно).
- «Как бы» – маркер субъективности высказывания, оно указывает на отнесенность приписываемого признака к субъективной сфере.
- «Как бы» входит в парадигму тютчевских языковых средств, служащих для создания «неясной» семантики – в этом отношении оно не является уникальным средством в поэзии Тютчева.
- «Как бы» может отмечать границу между двумя текстовыми мирами: когда не ясно, в каком из этих миров находится лирический субъект или какой-либо иной предмет изображения.
- Вхождение «как бы» в текст порой связано с его вхождением в определенные конструкции (ср., «люблю..., когда...»).
- Примерно в сорока процентах текстов, включенных в «Контекстный тезаурус», «как бы» употребляется в составе концептуально устойчивых сочетаний типа «как бы + сон», «как бы + весна».

Отметим также некоторые возможные пути дальнейших исследований в области изучения тютчевского «как бы»:

- Полный синонимический анализ единиц «как», «как бы», «словно», «как будто», «будто».
- Выявление в тютчевских текстах единиц, коррелирующих с «как бы» (входящих в ту же лексическую парадигму).
- Изучение всех фраз с «как бы», функционирующих в качестве прецедентных текстов.
- Дальнейший поиск источника тютчевского «как бы», анализ употреблений «как бы» в современной и предшествовавшей Тютчеву поэзии.
- Более широкий анализ взаимосвязи «как бы» с проблемой «невыразимого», взгляд на «как бы» в свете вопроса о соотношении «мышления и речи».

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
3. Арнаудов М. Психология литературного творчества. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с болг. Д. Д. Николаева. М., 1970.
4. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
5. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
6. Белевцова Н. Standpunkt'ы и вольности Федора Тютчева // Независимая газета. – 2003. – №44.
7. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. М.: Тривола, 2000.
8. Берковский Н. Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. Писатель, 1987. – С. 5 – 42.
9. Богданов С.И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. – 140 с.
10. Борухов Б. Вертикальные нормы стиля // <http://www.mitin.com/mj25/boruhov.shtml>
11. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993.
12. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972.
13. Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. – С. 34 – 62.
14. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. – С. 338 – 377.

15. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Составители К. Киселева, Д. Пайар. М.: Азбуковник, 2003. – 207 с.
16. Дудина Ю.А. Изменение в структуре и семантике сложноподчиненных предложений сравнительного типа в языке русской художественной прозы с 20-30-х годов 19 века по 90-е годы 20-го века. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Тюмень, 2003.
17. Зайцева С.Н. Как бы – символ времени? // [http:// slovoirus.ivanovo.ru/block__71](http://slovoirus.ivanovo.ru/block__71)
18. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. – 2004. – №2. – С. 20 – 45.
19. Золян С.Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов. Ер.: Изд-во Ереван. ун-та, 1985.
20. Инфантова Г.Г. Современный речевой портрет лексии *как бы* // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилициной. Саратов: Изд-во сарат. ун-та, 2003. – С. 46 – 55.
21. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
22. Лаптева О.А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья вторая) // Вопросы языкознания. – 2004. – №5. – С. 17 – 31.
23. Лейбов Р. Бессрочная ссылка. Выпуск от 16.03.98 // [http:// www.russ.ru/ssylka/98-03-16.htm](http://www.russ.ru/ssylka/98-03-16.htm)
24. Лейбов Р. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст // <http://www.ruthenia.ru/document/533836.html>
25. Летучий А.Б. Как бы и как будто (в печати).
26. Ломоносов М.В. Российская грамматика // [http:// www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01/200-279.htm](http://www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01/200-279.htm)
27. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. – С. 18 – 252.
28. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. – С. 11 – 263.
29. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996.
30. Лотман Ю.М. Спецкурс «Русская философская лирика. Творчество Тютчева» [неавторизованный конспект лекций] / Публ. Л. Киселевой // [http://www.ruthenia.ru/document/ 295138.html](http://www.ruthenia.ru/document/295138.html)

31. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. – С. 406 – 431.
32. Немзер А. Мужайся, сердце, до конца // Время новостей. – 2003. – №228.
33. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
34. Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
35. Руднев В.П. «Как бы» и «На самом деле» // Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.
36. Русская грамматика. Т. 1 – 2. М.: Наука, 1980.
37. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979.
38. Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. – С. 256 – 275.
39. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: Хрестоматия-практикум. М.: Академия, 2004.
40. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. – С. 17 – 41
41. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996.
42. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М.: Высш. шк., 1993. – С. 23 – 121.
43. Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М.: Высш. шк., 1993. – С. 200 – 214.
44. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд-е 2-е. / Под ред. Е.С. Истриной. Л.: Госучпедгиз, 1941.
45. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974.
46. Юнгрен А. Поэзия Тютчева на фоне салонной речи // <http://www.ruthenia.ru/document/189327.html>
47. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>

Словари

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. М.: Рус. яз., 1989.
2. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка // http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html#efr
3. Словарь русского языка: В 4т. Т.2. М.: Госуд. изд-во иностр. и национальных словарей, 1959. – С. 17 – 20.

4. Словарь современного русского литературного языка: В 17т. Т. 5. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 682 – 690.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М.: Азъ, 1996. – С. 254.
6. Толковый словарь русского языка: В 4т. Т.1. / Под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996.

Художественные тексты

1. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1964. (Б-ка поэта. Большая серия).
2. Батюшков К.Н. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1988.
3. Боратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. (Б-ка поэта. Большая серия).
4. Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. (Б-ка поэта. Большая серия).
5. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1966. (Б-ка поэта. Большая серия).
6. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 4т. Т. 1 – 2. М.: Художественная литература, 1957.
7. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1970.
8. Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990.
9. Мерзляков А.Ф. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. (Б-ка поэта. Большая серия).
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 – 2. М.: Гослитиздат, 1959.
11. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1985.
12. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. Л.: Сов. писатель, 1987. (Б-ка поэта. Большая серия).

Приложение
Контекстный тезаурус*

#	Год	Название	Контекст
1	1823	«Слезы»	Люблю смотреть, когда созданыя Как бы погружены в весне...
2	<1825>	«Проблеск»	То потрясающие звуки, То замирающие вдруг.... Как бы последний ропот муки, В них отозвавшись, потух! <...> Как верим верою живою, Как сердцу радостно, светло! Как бы эфирною струею По жилам небо протекло!
3	<1828>, н. 50-х	«Весенняя гроза»	Когда весенний первый гром, Как бы резвяся и играя, Грохочет в небе голубом.
4	<1828>	«Летний вечер»	И сладкий трепет, как струя, По жилам пробежал природы, Как бы горячих ног ея Коснулись ключевые воды.
5	<1829>	«Утро в горах»	Лишь высших гор до половины Туманы покрывают скат, Как бы воздушные руины Волшебством созданных палат.
6	1828 или 1829	«Байрон» <Из Цедлица>	И нечто грудь теснило. Как бы кругом воздушный слой, редая, Земную кровь сосал из нашей жилы... <...> Пока он сам, как бы для посмеянья, Своим жезлом не рушил обаянья! <...> В тебе самом, как бы в иносказанье, Для нас воскресло грозное преданье... <...> Страна любви, геройства, приключений, Где и поднесь их сладкопевный гений Как бы волшебным обвеваает светом Узорчатой Альгамбры коллонады... <...> Потом с высот, где, разлучаясь, воды

* Издание-источник: Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. Писатель, 1987.

			В широкие, полдневные равнины, Как бы на пир, стремят свое теченье...
7	к. 1820-х	<Из «Федры» Расина>	...вал, его извергший, Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
8	<1835>	«Там, где горы, убегая...»	Воин-сторож на стене Слышал, тайно очарован, Дальний гул, как бы во сне .
9	1837	«Итальянская villa»	Вдруг все смутилось: судорожный трепет По ветвям кипарисным пробежал, - Фонтан замолк – и некий чудный лепет, Как бы сквозь сон , невнятно прошептал...
10	1849	«Когда в кругу убийственных забот...»	Вдруг ветер подует, теплый и сырой, Опавший лист погонит пред собою И <u>душу нам обдаст как бы весною</u> ...
11	<1850>	«Наполеон»	Но чуток сон – и по ночам, тоскуя, Порою встав, он смотрит на восток И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя Передрассветный ветерок.
12	1850	«На Неве»	И меж зыбью и звездюю Он скользит как бы во сне ...
13	1850	«Графине Е. П. Ростопчиной»	И вот, я чую, надо мною, Не наяву и не во сне, Как бы повеяло весною, Как бы запело о весне ... <...> Вот вижу я, как бы сквозь дымки, Волшебный сад, волшебный дом...
14	1855	«Пламя рдеет, пламя пышет...»	Сумрак тут, там жар и крики, Я брожу как бы во сне , - Лишь одно я живо чую: Ты со мной и вся во мне.
15	1855	«О вещая душа моя...»	О, как ты бьешься на пороге Как бы двойного бытия!
16	1857	«Есть в осени первоначальной...»	Весь день стоит как бы хрустальный, И лучезарны вечера...
17	1858	«Осенней позднего порою...»	Люблю я царскосельский сад, Когда он тихой полумглою, Как бы дремотою , объят...
18	1864	«Весь день она лежала в забытьи...»	И вот, как бы беседуя с собой, Сознательно проговорила...
19	1865	«Ночное небо так угрюмо...»	И вот опять все потемнело, Все стихло в чуткой темноте – Как бы таинственное дело Решалось там – на высоте.
20	1868	«Опять стою я над Невой...»	И снова, как в былые годы, Смотрю и я, как бы живой, На эти дремлющие воды.
21	1869	«Андрею Николаевичу Муравьеву»	Воздушно-светозарный храм Уходит ввысь – очам на диво, Как бы парящий к небесам...

22	1870	«К. Б.»	Как после вековой разлуки Гляжу на вас, как бы во сне, – И вот – слышнее стали звуки, Не умолкавшие во мне...
23	<1870>	«Корабль в густом сыром тумане...»	Корабль в густом сыром тумане Как бы затерянный стоит...

Общее число обследованных текстов: 385 (в т. ч. стихотворения, приписываемые Тютчеву, и переводы).

Общее количество употреблений «как бы»: 30.

Общее число текстов с «как бы»: 23.

1820-е: 7.

1830-е: 2.

1840-е: 1.

1850-е: 7.

1860-е: 4.

1870-е: 2.